

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

10
1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

10

1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАИБОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Т. П. Шалюк*

Р08366. Сдано в набор 10/IX-76 г. Подписано к печати 27/IX-76 г. Формат 70×108 ¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Бум. л. 2,5. Печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0. Изд. № 149. Тираж 1305. Цена 40 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79. Заказ 230.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

© Издательство «Фан» УзССР, 1976 г.

Решения XXV съезда КПСС—в жизнь!

А. А. АБДУГАНИЕВ

**ТЕМПЫ И ПРОПОРЦИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ**

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Для того, чтобы успешно решить многообразные экономические и социальные задачи, стоящие перед страной, нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства. Упор на эффективность —...важнейшая составная часть всей нашей экономической стратегии»¹.

В соответствии с этим в утвержденных съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривается: «Обеспечить устойчивый рост и совершенствование структуры общественного производства, более быстрое развитие отраслей, определяющих научно-технический прогресс, увеличение производства сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров народного потребления, расширение сферы обслуживания населения»².

Особо важная роль динамичного роста общественного производства, обеспечения высоких, устойчивых темпов экономического развития страны, в том числе всех союзных республик, объективно определяется тем, что они создают необходимые предпосылки для еще более значительных масштабов расширенного воспроизводства в последующие годы, увеличения производства материальных благ и развития сферы обслуживания населения. Динамичное развитие общественного производства органически связано с его пропорциональностью, ростом его эффективности. Поэтому при анализе и планировании темпов экономического развития союзных республик и страны в целом надо иметь в виду необходимость достижения прогрессивных пропорций общественного производства и повышения его социально-экономической эффективности.

В настоящее время экономика СССР, в том числе Узбекской ССР, характеризуется возросшими масштабами и возможностями общественного производства, огромным производственным и научно-техническим потенциалом, качественно новым, высоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, которые служат прочной основой для решения крупных комплексных задач социально-экономического развития советского общества.

Экономика современного Узбекистана как составная часть единого народнохозяйственного комплекса страны характеризуется высокораз-

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, М., 1976, стр. 52.

² Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг., М., 1976, стр. 12.

витой и многоотраслевой промышленностью, крупным механизированным сельским хозяйством, современной строительной индустрией, комплексным развитием обслуживающих отраслей — транспорта, связи, материально-технического снабжения, торговли и общественного питания, науки и культуры, народного просвещения и здравоохранения.

Достаточно сказать, что социалистическая индустрия Узбекистана представлена более чем ста отраслями, насчитывающими свыше 1300 крупных предприятий. Сумма основных производственных фондов промышленности республики превышает 7 млрд. руб. Ныне в УзССР производится более 33 млрд. кВт-ч электроэнергии в год, 37,2 млрд. м³ природного газа, более 6,0 млн. т минеральных удобрений, 3,5 млн. т цемента и множество других видов продукции. Посевные площади республики составляют 3722 тыс. га. В сельском хозяйстве УзССР занято более 238 тыс. тракторов, хлопкоуборочных машин, зерноуборочных комбайнов и грузовых автомобилей. В 953 колхозах и 570 совхозах Узбекистана работает свыше 1603 тыс. человек³.

Все это достигнуто благодаря высоким и устойчивым темпам развития экономики республики. Только за последние десять лет (1965—1975) валовой общественный продукт и национальный доход Узбекистана увеличились почти в 2 раза, производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства — в 3, валовая продукция промышленности — более чем в 2, а продукция сельского хозяйства — почти в 1,5 раза.

Стабильно высокие темпы роста материального производства обеспечили подъем материального и культурного уровня жизни населения. Так, объем розничного товарооборота за 1965—1975 гг. увеличился в 2,3, реальные доходы на душу населения — в 1,65 раза, а средняя заработная плата рабочих и служащих — более чем в 1,5 раза⁴.

Анализ источников и факторов экономического роста показывает, что на современном этапе развитого социализма процесс расширения социалистического воспроизводства в союзных республиках, как и по стране в целом, характеризуется всесторонней интенсификацией общественного производства на базе научно-технического прогресса, неуклонного роста производительности труда и систематического повышения эффективности общественного производства. Вместе с тем в Узбекистане и других республиках Средней Азии все более рационально используются и такие экстенсивные факторы, как более быстрый рост населения, в том числе трудовых ресурсов.

Так, среднегодовой темп прироста производительности общественного труда, исчисленный по соотношению физического объема национального дохода и числа занятых в материальном производстве, по Союзу намного превосходит темп прироста занятых (в 1961—1975 гг. — примерно в 3,5 раза), а в Узбекской ССР это опережение сравнительно невелико (примерно в 1,5 раза). Одновременно систематически снижается удельный вес занятых в отраслях материального производства (с 80,7% в 1965 г. до 77,0% в 1975 г.)⁵.

С ростом масштабов общественного производства, усилением роли интенсивных факторов его развития достигается стабильность в темпах роста совокупного общественного продукта и национального дохода как одна из закономерностей динамичной экономики развитого социализма.

³ Узбекистан за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1976, стр. 37, 43, 49—51 и др.

⁴ Там же, стр. 13—14.

⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1974 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1975, стр. 243—244.

лизма. Так, за 1960—1975 гг. валовой общественный продукт и национальный доход Узбекистана увеличились более чем в 3 раза при стабильно высоких среднегодовых темпах их прироста (табл. 1).

Материальной основой высоких и устойчивых темпов экономического развития служат огромные капитальные вложения, направляемые государством и колхозами на развитие производительных сил. Так, объем капитальных вложений в развитие народного хозяйства УзССР в годы восьмой пятилетки составлял 12,8 млрд. руб., а в годы девятой пятилетки — 19,0 млрд. руб. Только за последние десять лет в народном хозяйстве республики введено основных фондов на 29,6 млрд. руб.⁶ За годы девятой пятилетки вступили в строй действующих свыше 100 крупных промышленных предприятий и цехов, введено в сельскохозяйственный оборот 511 тыс. га орошаемых земель, на которых создано 50 новых совхозов⁷, и т. д.

Таблица 1*

Среднегодовые темпы прироста валового общественного продукта и национального дохода СССР и УзССР за 1961—1980 гг., %

Показатели	СССР				Узбекская ССР			
	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.
Валовой общественный продукт	6,50	7,45	5,35	5,35	7,25	6,65	7,25	6,05
Национальный доход	6,65	7,70	5,05	5,05	7,70	6,80	7,10	5,80

* Рассчитана нами по данным статистических ежегодников: „Народное хозяйство СССР в 1974 г.“, М., 1975, стр. 53, 55, 57; „Народное хозяйство Узбекской ССР в 1974 г.“, стр. 20—21, а также „Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы“, стр. 12; журн. „Коммунист Узбекистана“, 1976, № 2, стр. 56.

Высокий динамизм экономики Узбекистана достигается в результате непрерывного развития ведущих отраслей народного хозяйства. Так, за 1971—1975 гг. валовая продукция промышленности УзССР выросла на 51%, что значительно превышает задания девятого пятилетнего плана.

Наивысшими темпами развивались электроэнергетическая, электротехническая, машиностроительная, химическая, металлургическая и другие отрасли промышленности, определяющие технический прогресс всего народного хозяйства республики. Например, производство электроэнергии в Узбекистане выросло за 1971—1975 гг. на 83%. Валовая продукция сельского хозяйства УзССР увеличилась за это время на 30%. За годы девятой пятилетки хлопкоробы республики дали стране 24,5 млн. т хлопка-сырца — на 2,3 млн. т больше, чем по плану, и на 4,6 млн. т больше, чем в 1966—1970 гг. Это достигнуто главным образом в результате повышения урожайности хлопчатника, которая поднялась почти на 4 ц/га по сравнению с 1970 г. и достигла в среднем по республике 32 ц/га.

Динамизм экономики развитого социализма проявляется в растущем значении интенсивных факторов, прежде всего в повышении производительности труда — решающем условии обеспечения высоких, устойчивых темпов роста экономики.

В годы девятой пятилетки свыше 80% прироста национального дохода и 84% прироста продукции промышленности страны были получены за счет повышения производительности труда. «Основные направ-

⁶ Там же, стр. 65—66.

⁷ Правда Востока, 11 мая 1976 г.

ления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают: «Сосредоточить особое внимание на ускорении роста производительности труда — решающем условии дальнейшего развития производства и подъема благосостояния народа. Обеспечить за счет повышения производительности труда 85—90 процентов прироста производства национального дохода, примерно 90 процентов прироста промышленной продукции, весь прирост продукции сельского хозяйства, строительно-монтажных работ и не менее 95 процентов прироста объема перевозок на железнодорожном транспорте»⁸.

Рост производительности труда в промышленности Узбекистана заметно убыстряется благодаря высоким темпам фондовооруженности труда и ускорению научно-технического прогресса. Если в годы восьмой пятилетки производительность труда работников промышленности республики повысилась лишь на 17%, то за 1971—1975 гг. — на 25%, причем среднегодовые темпы ее прироста составили соответственно 3,1 и 4,6%. Наиболее значительны темпы роста производительности труда в новых и прогрессивных отраслях промышленности (табл. 2).

Таблица 2*

Темпы роста производительности труда в отраслях промышленности УзССР за 1965—1975 гг., %

Отрасли	Рост производительности труда			Среднегодовые темпы прироста		
	1965—1970 гг.	1970—1975 гг.	1965—1975 гг.	1965—1970 гг.	1970—1975 гг.	1965—1975 гг.
Вся промышленность	117	125	146	3,1	4,6	3,5
Электроэнергетика	136	179	243	6,3	12,3	8,4
Химическая и нефтехимическая	142	145	207	7,3	7,7	6,8
Машиностроение и металлообработка	133	145	192	5,8	7,7	6,1
Промышленность стройматериалов	123	133	163	4,2	5,8	4,6
Легкая промышленность	106	114	120	1,2	2,6	1,7
Пищевая промышленность	118	127	149	3,3	4,8	3,7

* Составлена по данным краткого статистического сборника «Узбекистан за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.)», Ташкент, 1976, стр. 32—33.

Высокие темпы экономического развития страны, в том числе Узбекской ССР, намечены на десятую пятилетку. «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривается рост национального дохода страны на 24—28%, объема продукции промышленности — на 35—39%, среднегодового объема продукции сельского хозяйства — на 14—17%.

В Узбекистане валовой общественный продукт возрастет за 1976—1980 гг. на 34%, национальный доход — на 33%. На развитие отраслей народного хозяйства республики будет направлено 22 млрд. руб. капитальных вложений, что позволит построить десятки новых крупных промышленных объектов. Объем промышленного производства в УзССР возрастет на 35—39%, причем более быстрыми темпами будет расти производство электроэнергии, продукции машиностроения, химической, электротехнической промышленности. За пятилетие производство товаров народного потребления в республике увеличится на 42,4% и будет идти более высокими темпами, чем в целом по стране.

⁸ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг., стр. 13.

На развитие сельскохозяйственного производства в Узбекистане в годы текущей пятилетки будет направлено почти 11 млрд. руб. В частности, предусматривается оросить и освоить 462 тыс. га новых земель, мелиоративно улучшить 500 тыс. га и обводнить 1,5 млрд. га пастбищ. Будут продолжены работы по освоению новых земель в Голодной, Каршинской, Джизакской степях, низовьях Амударьи и Сурхан-Шерабадской долине. Колхозы и совхозы УзССР получат от государства более 90 тыс. тракторов, 35 тыс. грузовых автомобилей, 4400 зерновых комбайнов, 4800 экскаваторов и много другой современной сельскохозяйственной техники.

За десятую пятилетку намечено увеличить производство хлопка-сырца в СССР до 9 млн. т, из которых 6,0 млн. т даст Узбекистан. Дальнейшее развитие получат и другие важнейшие отрасли сельского хозяйства — зерновое хозяйство, животноводство, шелководство, садоводство, виноградарство, производство овоще-бахчевых культур и др.

Более быстрыми темпами будут развиваться транспорт и связь, строительство и материально-техническое снабжение, торговля и общественное питание, так как социалистическое производство развивается планомерно, и пропорции народного хозяйства регулируются государственным планом.

При современных возросших масштабах общественного производства намного увеличиваются абсолютные приросты, значение каждого процента прироста. Так, в годы восьмой пятилетки национальный доход СССР вырос на 40% при абсолютном приросте 77,2 млн. руб., за годы девятой пятилетки — соответственно 28% и 76 млрд. руб., а на 1976—1980 гг. предусматривается увеличение национального дохода страны на 24—28% при абсолютном приросте его объема на 87—100 млрд. руб. (в ценах 1973 г.).

В период девятой пятилетки каждый процент прироста промышленной продукции Узбекистана составлял 70 млн. руб., а в десятой пятилетке он будет равен 120 млн. руб. В целом по стране 1% прироста промышленной продукции означает увеличение ее объема более чем на 5 млрд. руб., что в 1,4 раза больше, чем в девятой, и в 2,1 раза больше, чем в восьмой пятилетке.

Поскольку «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают относительно меньшие показатели темпов роста национального дохода, промышленной продукции и т. д., чем в девятой пятилетке, буржуазные «советологи» пытаются утверждать, якобы в условиях научно-технической революции и возросших масштабов общественного производства темпы экономического развития имеют тенденцию к снижению независимо от характера социально-экономического строя — будь то социализм или капитализм. Однако подобные утверждения совершенно несостоятельны. Экономика СССР и других социалистических стран росла и растет гораздо быстрее, чем экономика развитых капиталистических стран. Так, среднегодовой темп прироста промышленной продукции в СССР и других странах — членах СЭВ за 1950—1975 гг. был более чем в 2 раза выше, чем в развитых капиталистических странах (соответственно 9,6 и 4,6%). За последнее пятилетие производство промышленной продукции в СССР в среднем за год возрастало на 7,4%, а в США — лишь на 1,3%, в Англии — 0,2, во Франции — 2,2, в ФРГ — 0,4, в Италии — 1,8, в Японии — 1,9%.

Л. И. Брежнев отмечал на XXV съезде КПСС, что «по ряду позиций темпы роста предусмотрены несколько ниже, чем были в девятой пятилетке. Чем это объясняется? В какой-то части тут нашли отражение

трудности предыдущих лет. Но это временный и отнюдь не первостепенный фактор. Главное заключается в том, что мы стремились обеспечить в этой пятилетке большую сбалансированность и пропорциональность развития народного хозяйства, создать лучшие условия для повышения качественных показателей работы⁹. Так, предусмотренные в текущей пятилетке темпы роста производства намечено достигнуть при менее высоких, чем в предыдущие пять лет, темпах роста капитальных вложений. При достаточно внушительном объеме капиталовложений (свыше 630 млрд. руб.) темпы роста их составят 24—26% против 42% в девятой пятилетке.

Достижению высшей цели экономической стратегии партии подчинено и совершенствование пропорций народного хозяйства, всей производственной структуры общественного производства: развитому уровню производительных сил и производственных отношений должна быть адекватна воспроизводственная структура, ибо только в этом случае будет достигнуто повышение социально-экономической эффективности общественного производства.

Совершенствование народнохозяйственных пропорций, как это вытекает из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», осуществляется в нескольких аспектах с учетом важнейших задач всего перспективного периода. Прежде всего сохраняются опережающие темпы развития I подразделения общественного производства в целом, а вместе с тем предусматривается систематическое повышение доли потребления в используемом национальном доходе страны. С учетом фонда непроизводственного накопления и образования резервов, идущих в конечном счете на повышение благосостояния советских людей, почти 80% абсолютного прироста национального дохода страны будет направлено на увеличение фонда потребления. Так, фонд потребления вырастет за пятилетие на 27—29%, а фонд накопления — на 17—23%.

XXV съезд партии вновь подчеркнул ведущую и определяющую роль промышленности, особенно тяжелой в развитии всего народного хозяйства и наметил более высокие темпы роста ее в перспективе, что обеспечит повышение доли промышленности в национальном доходе страны с 55% в 1975 г. до 58% в 1980 г. Объективные условия и реальные возможности промышленности Узбекистана благоприятствуют достижению более ускоренных темпов роста производства продукции группы «Б». Так, в десятой пятилетке при общем росте промышленного производства в республике на 35—39% производство средств производства увеличится на 33—37%, а предметов потребления — на 42—46%.

В десятой пятилетке и последующие годы произойдут существенные изменения в отраслевой структуре промышленности Узбекистана. Неуклонно, высокими темпами будут развиваться новые и прогрессивные отрасли промышленности, обеспечивающие технический прогресс во всем народном хозяйстве. В результате в общем объеме промышленного производства значительно возрастет удельный вес электроэнергетики, химической промышленности, машиностроения и металлообработки, промышленности строительных материалов и т. д.

Учитывая растущие доходы населения, надо существенно изменить пропорции в производстве товаров народного потребления в пользу товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, что отражено в заданиях десятой пятилетки. Так, при общем росте продукции группы «Б» на 42,5% продукция мебельной промышленности за пять лет увеличится более чем в 1,5 раза.

⁹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС..., стр. 53.

В создании национального дохода возрастет доля сельского хозяйства, особенно за счет организации новых совхозов на вновь осваиваемых землях Каршинской и Джизакской степей. Дальнейшее внедрение севооборота и создание прочной кормовой базы животноводства обеспечат повышение доли его в общей продукции сельского хозяйства.

Важные структурные сдвиги произойдут в транспорте и связи, более ускоренными темпами будут развиваться автомобильный и воздушный транспорт, особенно перевозки пассажиров на дальние и средние расстояния.

Осуществление структурных изменений в народном хозяйстве страны и республики объективно обуславливает изменение пропорции между темпами роста капитальных вложений и национального дохода. Так, если в прошлом, в том числе в годы девятой пятилетки, темпы роста капитальных вложений значительно опережали темпы роста национального дохода, то в десятой пятилетке темпы роста этих важнейших синтетических показателей уравниваются. При этом главным направлением структурных изменений в капитальных вложениях должно быть увеличение доли капвложений, направляемых на развитие производственной и бытовой инфраструктуры.

Особо важное значение имеет совершенствование территориальных пропорций путем улучшения размещения производительных сил как важного фактора повышения эффективности общественного производства. «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают более ускоренное развитие экономики восточных районов страны, в том числе республик Средней Азии, где ожидается высокий естественный прирост трудовых ресурсов. Поэтому в малых и средних городах, рабочих поселках и центрах сельских районов республики должны быть созданы филиалы и цеха крупных промышленных предприятий, что имеет огромное социально-экономическое значение.

Необходимо улучшить соотношение между материальным производством и непродуцированной сферой, в том числе отраслями, обслуживающими население. Социальная программа партии и задачи повышения уровня жизни народа объективно требуют более ускоренного развития отраслей непродуцированной сферы, прежде всего просвещения, науки, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства. Одновременно рост денежных доходов населения должен сопровождаться адекватным товарным покрытием при неизменном уровне розничных цен.

Отсюда вытекает задача более тесной увязки роста заработной платы с увеличением национального дохода, обеспечения правильных пропорций между ростом производительности общественного труда и реальных доходов населения. Этому должен способствовать намечаемый преимущественный рост розничного товарооборота и платных услуг по сравнению с ростом денежных доходов населения. Эта важная пропорция может быть достигнута лишь на основе ускоренного развития производства предметов потребления и повышения их качества, а также путем усиления зависимости оплаты труда от конечных результатов производства и т. д.

Все эти основные направления и аспекты совершенствования пропорций народного хозяйства будут способствовать динамичному росту социалистической экономики, ускорению научно-технического прогресса, повышению производительности общественного труда и эффективности производства, а на этой основе — дальнейшему подъему материального и культурного уровня жизни советских людей в ходе создания материально-технической базы коммунизма.

М. А. ТАДЖИМУРАТОВ

О СООТНОШЕНИИ ДВУХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ УзССР

В материалах XXV съезда КПСС подчеркивается, что «главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства»¹. Ключевая роль в решении этой проблемы отводится интенсификации и совершенствованию структуры общественного производства, улучшению народнохозяйственных пропорций.

Одно из основных мест в совокупности пропорций социалистического воспроизводства занимает соотношение между производством средств производства и предметов потребления. От характера данного соотношения зависит материально-вещественная структура создаваемого в республике продукта. Проблема развития двух подразделений общественного производства и обеспечения нужного соотношения между ними всегда находилась в центре внимания экономической политики КПСС.

Установление пропорций между подразделениями общественного производства сводится к оптимизации соотношения данных пропорций, корреспондирующихся с проблемой эффективности общественного производства. В этой связи анализ соотношения экономических подразделений имеет не только теоретическое, но и практическое значение как элемент научного обоснования для текущего и долгосрочного народнохозяйственного планирования, выявления реальной возможности сознательного, научно обоснованного изменения данных пропорций в направлении, отвечающем задачам экономии живого и овеществленного труда, наиболее полного удовлетворения растущих потребностей трудящихся.

Процесс расширенного социалистического воспроизводства осуществляется на основе действия объективного экономического закона преимущественного роста производства средств производства. В то же время проявление данного закона в масштабах союзной республики может видоизменяться в зависимости от конкретных условий и социально-экономических задач, стоящих на данном этапе. Одна из характерных особенностей последних лет развития промышленного производства Узбекской ССР — более ускоренное развитие отраслей, производящих предметы потребления. В текущей пятилетке производство средств производства (группа «А») возрастет на 33—37%, а предметов

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, стр. 119.

потребления (группа «Б») — на 42—46%². При этом сохраняются опережающие темпы роста отраслей, определяющих научно-технический прогресс и успешное развитие всех отраслей народного хозяйства.

Специализация народного хозяйства союзной республики обуславливает межреспубликанские хозяйственные связи, превращая воспроизводственный процесс союзной республики во взаимобусловленное звено высокоинтегрированной общесоюзной экономики. Отсюда в условиях союзной республики важное значение имеет соотношение между ввозом и вывозом продукции, так как сальдо межреспубликанского обмена увеличивает либо уменьшает использованный общественный продукт, соответственно предопределяя возможность использования в народном хозяйстве союзной республики большей или меньшей величины общественного продукта по сравнению с созданным.

Активное сальдо межреспубликанского обмена уменьшает, а пассивное повышает величину использованного общественного продукта на территории республики. Однако в данном случае нас интересует не столько общее сальдо ввоза и вывоза, сколько сальдо ввоза и вывоза продукции I и II подразделений общественного производства, ибо внутри общего сальдо ввоза и вывоза может быть активным или пассивным сальдо средств производства или предметов потребления.

Общественное разделение труда, соответствующее сложившаяся сальдовая структура в зависимости от специализации народного хозяйства республики в едином народнохозяйственном комплексе страны обуславливают специфику соотношения и динамику двух подразделений общественного производства в каждой союзной республике. В выпускаемых статистическими органами республики сборниках не публикуются данные, характеризующие совокупный общественный продукт в разрезе I и II подразделения. Исчисление производства средств производства и предметов потребления практикуется лишь в промышленности. Однако проблема пропорционального развития группы «А» и «Б» в промышленности — это часть общей проблемы пропорционального развития двух подразделений общественного производства, и сравнительная динамика группы «А» и «Б» в промышленности далеко не идентична движению их во всем народном хозяйстве.

На современном уровне развития статистических разработок наиболее реальным документом, позволяющим проанализировать данные пропорции, является Отчетный межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве УзССР за 1966 и 1972 гг. Как показывают расчеты, соотношение между I и II подразделениями в произведенном общественном продукте УзССР складывалось следующим образом:

	Удельный вес в валовом общественном продукте, %	
	1966 г.	1972 г.
Валовой общественный продукт, всего	100,0	100,0
I подразделение	63,5	64,1
II подразделение	36,5	35,9

Как видим, специализированный характер общественного производства УзССР обуславливает такую структуру общественного продукта, при которой большую часть его составляет продукция I подразделения.

Для более глубокого анализа динамики и структуры двух подразделений общественного производства, повышения практической цен-

² Правда Востока, 5 февраля 1976 г.

ности теоретических выводов необходимо рассмотрение не только материально-вещественной структуры совокупного общественного продукта, но и отраслевой структуры производства средств производства и предметов потребления, ибо темпы и направленность динамики обоих подразделений по народному хозяйству в целом и в разрезе отраслей не всегда совпадают, а иногда действуют разнонаправленно (табл. 1).

Анализ отраслевого состава продукции средств производства и предметов потребления показывает, что преобладающую часть продукции I и II подразделений создает промышленность. Вместе с тем весьма существенно и участие остальных отраслей в производстве средств производства и предметов потребления. За анализируемый период доля промышленности в создании средств производства возросла, а ее роль в создании продукции II подразделения существенно снизилась (при увеличении абсолютного объема продукции).

Таблица 1*

Отраслевая структура продукции I и II подразделений, % к итогу

Отрасли	Средства производства		Предметы потребления	
	1966 г.	1972 г.	1966 г.	1972 г.
Народное хозяйство в целом	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	59,0	59,2	56,3	51,5
Сельское хозяйство	26,3	23,3	17,5	20,9
Строительство	9,8	12,4	14,7	15,9
Прочие отрасли материального производства	4,9	5,1	11,5	11,7

* Рассчитана по данным ЦСУ (Отчетный межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве Узбекской ССР за 1936 и 1972 гг.).

Объем и динамика совокупного общественного продукта в значительной мере обусловлены местом и ролью экономики данной республики в народном хозяйстве страны. В условиях Узбекистана к сфере общесоюзной специализации относятся прежде всего отрасли народнохозяйственного хлопкового комплекса, а также газо-химической и горно-металлургической промышленности. На долю отраслей, удовлетворяющих общесоюзные потребности, приходится свыше 60% общего объема промышленного производства УзССР. Такая направленность производственной специализации влияет как на характер комплексности, так и на структуру народного хозяйства (табл. 2).

Специализация народного хозяйства Узбекистана в общесоюзном разделении труда как основной хлопковой базы страны обуславливает высокий удельный вес производства средств производства как в сельском хозяйстве, в котором доминирующее положение занимают технические культуры (хлопок, шелковичные коконы, новолубяные, каракуль и др.), так и в промышленности, большинство отраслей которой тесно связаны с развитием хлопководства.

Например, на долю машиностроения и металлообработки Узбекистана приходится примерно 1,5—2% общего объема продукции данной отрасли по СССР. По некоторым же видам изделий эта отрасль играет ведущую роль в удовлетворении республиканской и общесоюзной потребности. Так, в УзССР производится 100% хлопкоуборочных и куракоуборочных, 95% ровничных машин, 86% хлопкоочистительного оборудования, 35% крутильных и 18% прядильных машин.

Ускоренный рост новых, прогрессивных отраслей промышленности, как газовая, нефтеперерабатывающая, химическая, энергетика, цветная, черная металлургия, заметно повысил удельный вес группы «А» во всей

промышленной продукции. В сельском же хозяйстве в отношении I и II подразделений за исследуемый период прослеживается обратная тенденция — увеличение удельного веса валовой продукции II подразделения. Это обусловлено прежде всего высокими темпами роста производства продуктов питания — молока, яиц, мяса, винограда, фруктов, овощей, бахчевых.

Общепризнано, что соотношение объемов I и II подразделений общественного производства в значительной мере обусловлено соотношением их в промышленности — ведущей отрасли народного хозяйства. О соотношении между производством средств производства и предметов потребления по важнейшим отраслям промышленности УзССР можно судить по данным табл. 3.

Таблица 2*

Соотношение средств производства и предметов потребления в отраслях, создающих натурально-вещественную форму продукции, в ценах конечного потребления, %

Показатели	1966 г.	1972 г.
Валовая продукция промышленности	100,0	100,0
в том числе:		
I подразделение	64,6	67,4
II подразделение	35,4	32,6
Валовая продукция сельского хозяйства	100,0	100,0
в том числе:		
I подразделение	72,4	66,7
II подразделение	27,6	33,3
Валовая продукция строительства	100,0	100,0
в том числе:		
I подразделение	53,7	58,3
II подразделение	46,3	41,7

* Рассчитана по данным ЦСУ (Отчетный межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве Узбекской ССР за 1966 и 1972 гг.).

Для экономики развитого социалистического общества характерны высокие темпы развития производства предметов потребления в промышленности, рост удельного веса товаров народного потребления в отраслях тяжелой индустрии. Однако это не означает игнорирования закона преимущественного роста производства средств производства, ибо именно от отраслей, производящих средства производства, в конечном счете, зависит прогресс во всех отраслях народного хозяйства, общий подъем благосостояния народа. Речь идет об установлении оптимальных соотношений в развитии отраслей группы «А» и «Б».

Современный период развития социалистической экономики предопределяет значительное улучшение самой структуры производства предметов потребления: наращивание темпов роста промышленных товаров; повышение доли сельскохозяйственной продукции, прошедшей промышленную переработку; увеличение производства предметов потребления длительного пользования, в выпуске которых возрастает роль отраслей тяжелой промышленности (с 9,9% в 1966 г. до 14,5% в 1972 г.).

Повышение удельного веса продукции группы «А» в легкой промышленности (с 71,5% в 1966 г. до 78,6% в 1972 г.) обуславливается

прежде всего особенностями специализации данной отрасли и ее ролью в общесоюзной специализации. Доминирующее положение в легкой промышленности УзССР занимают: хлопкоочистительная (58,0%), хлопчатобумажная (9,0%), шелковая (8,0%), специализирующиеся на производстве волокна хлопка, кенафа, джута, а также шелка-сырца, хлопчатобумажной пряжи и тканей, вывозимых за пределы республики в стадии, требующей дальнейшей переработки.

В основе развития производства того или иного вида продукции должен лежать принцип рациональной специализации районов и республик, научно обоснованного межреспубликанского обмена. Сложившийся тип территориальной специализации корректируется структурой ввоза и вывоза. В условиях социалистического разделения труда межреспубликанский обмен становится важным фактором расширенного воспроизводства, установления правильных пропорций между производством и потреблением, I и II подразделениями общественного производства и др.

Таблица 3*

Распределение валовой продукции промышленности на средства производства и предметы потребления в разрезе крупных отраслей по классификации межотраслевого баланса за 1966 и 1972 гг.

Отрасли	1966 г.		1972 г.	
	А.	Б.	А.	Б.
Промышленность, всего	72,1	27,9	76,4	23,6
в том числе:				
черная металлургия	100,0	—	99,9	0,1
топливная промышленность	96,4	3,6	93,6	6,4
электро-теплоэнергетика	83,9	16,1	73,6	26,4
машиностроение и металлообработка	96,9	3,1	93,7	6,3
химическая и нефтехимическая	85,2	14,8	89,2	10,8
лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	63,6	36,4	62,2	37,8
промышленность стройматериалов	99,5	0,5	98,2	1,8
стекольная и фарфоро-фаянсовая	47,7	52,3	39,5	60,5
легкая	71,5	28,5	78,6	21,4
пищевая	34,4	65,6	39,1	60,9
Прочие отрасли	36,5	63,5	35,9	64,1

* Рассчитана по данным отчетного межотраслевого баланса за 1966 и 1972 гг.

Примечание. При сложившейся системе ценообразования значительная часть прибавочного продукта реализуется в форме налога с оборота, основная масса которого мобилизуется через цены на предметы потребления. Перераспределение части прибавочного продукта через систему цен приводит к изменению объемов производства и пропорций. Соотношение между средствами производства и предметами потребления, исчисленное без налога с оборота, оказывается более высоким (ввиду более низкого удельного веса предметов потребления и высокого удельного веса средств производства).

Анализ сложившейся сальдовой структуры УзССР показывает, что в вывозе продукции республики преобладают средства производства, а в ввозе — предметы потребления.

Так, по данным межотраслевого баланса, доля продукции I подразделения в вывозе УзССР составила в 1972 г. 73,0% против 68,0% в 1966 г., причем 43,7% вывозимой продукции (против 47,8% в 1966 г.)

приходилось на хлопок-волокно³. Удельный вес хлопка-волокна в вывозимой продукции несколько понизился (при абсолютном его увеличении) вследствие резкого увеличения в вывозе из республики продукции цветной металлургии, газодобычи, радиоэлектроники, основной химии. В общем объеме вывоза доля промышленной продукции возросла на 5 пунктов (95,9% против 90,9%), а доля сельскохозяйственной продукции снизилась на 3,9 пункта (3,9% против 7,8%), что свидетельствует об индустриальном развитии республики.

Узбекистан и впредь будет основной хлопковой базой Советского Союза. Вместе с тем дальнейшее развитие получает промышленность, особенно отрасли, производящие средства производства, Общесоюзное значение приобретают газовая промышленность, производство цветных и редких металлов. Структура полезных ископаемых, возможность получения дешевой электроэнергии, характер уже созданных и строящихся горнорудных предприятий делают целесообразным превращение цветной металлургии республики из горнодобывающей в горнометаллургическую с выпуском не только концентратов, но и готового металла, проката меди, свинца, цинка, а также тугоплавких и жаростойких металлов.

На основе широкого использования запасов природного газа имеется возможность создать производство синтетических волокон, пластмасс, синтетического каучука и др. Химическая промышленность республики в перспективе может базироваться не только на использовании газа, но и других источников сырья — поваренной и калийной соли, известняков, гипса, серы, а также отходов хлопкоочистительной промышленности, хлопководства и других отраслей.

Задача оптимального соотношения динамики и структуры двух подразделений общественного производства для союзных республик и крупных экономических районов решается прежде всего с учетом социально-экономических факторов, определяющих преимущественное развитие отраслей производственной специализации республики или района. Постановка на первый план вопроса о повышении эффективности общественного производства предполагает развитие в республике тех отраслей, для которых здесь имеются сравнительно предпочтительные условия.

В то же время нельзя умалять значимость формирования рациональной структуры производственно-территориальных комплексов, предопределяющей социально-экономические условия эффективного развития народного хозяйства республики и страны в целом. В УзССР имеются значительные возможности для развития ряда отраслей легкой и пищевой промышленности, в первую очередь — производства текстильных и швейных изделий, пищевкусовых продуктов.

Степень удовлетворения потребностей населения в некоторых видах продукции за счет местного производства, для развития которого имеются благоприятные условия, не обеспечивает необходимого уровня потребления, что отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии республики. Высокий уровень естественного прироста населения, необходимость реализации научно обоснованных норм потреб-

³ Существующая статистическая отчетность не позволяет проводить деление ввозимой и вывозимой продукции на средства производства и предметы потребления по фактическому использованию. Разбивка ввозимой и вывозимой продукции на два подразделения проводилась, исходя из особенностей натурально-вещественного состава продукции и его целевого назначения в общественном потреблении — личном и производственном. Применение коэффициентов позволило значительно приблизить деление по преимущественному использованию к фактическому. Поэтому, хотя наши расчеты весьма условны, они все же дают возможность получить представление о динамике и направленности реальных процессов в межреспубликанском обмене УзССР.

ления требуют значительного увеличения производства ряда важнейших видов продукции, что обеспечит более оптимальное соотношение между I и II подразделением общественного производства по народному хозяйству республики и в разрезе отраслей, а также значительно поднимет эффективность общественного производства в интересах развития народного хозяйства республики и страны в целом.

Необходимость планомерного установления оптимальных пропорций, обеспечивающих рациональное сочетание и развитие отраслей, гармоничную сбалансированность экономического комплекса, требует еще более глубокого изучения и совершенствования сложившихся народнохозяйственных пропорций, что обусловит возможности дальнейшего экономического прогресса Узбекистана, повышения его роли в общесоюзном разделении труда, создании материально-экономической базы коммунизма.

М. А. Тожимуратов

ЎзССРда УМУМИЙ ИШЛАБ ЧИҚАРИШНИНГ РЕГИОНАЛ ШАРОИТЛАРДА ИККИ БЎЛИМНИНГ ЎЗАРО АЛОҚАДОРЛИГИ ҲАҚИДА

Мазкур мақолада ЎзССРнинг конкрет шароитида умумий ишлаб чиқаришнинг икки асосий бўлиналари—ишлаб чиқариш воситаларини ишлаб чиқариш ҳамда истеъмол буюмлари ўртасидаги муносабат анализ қилинади.

Д. Г. ЮЛДАШЕВА

**РОСТ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА
УЗБЕКИСТАНА**

Рабочий класс Узбекистана — один из передовых отрядов советского рабочего класса — отличается высокой сознательностью, организованностью, дисциплинированностью, самоотверженным трудом. Эти замечательные качества, воспитанные в нем нашей партией, социалистическим образом жизни, обеспечивают рабочему классу авангардную роль в жизни советского общества, строительстве коммунизма.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на совместном торжественном заседании ЦК КПУз и Верховного Совета УзССР, посвященном вручению республике ордена Дружбы народов, сказал: «Рабочий класс—это стальной хребет социалистического Узбекистана, активный проводник политики партии в коммунистическом строительстве, надежный союзник, опора колхозного крестьянства»¹.

О вкладе рабочего класса нашей республики в общее дело создания материально-технической базы коммунизма в СССР можно судить хотя бы по следующим фактам. Ныне на долю промышленности Узбекистана приходится 100% союзного производства хлопкоуборочных машин, тракторных хлопковых сеялок, ровничных машин и др. Республика занимает второе место в Союзе по выпуску прядильных машин, третье — по производству природного газа, мостовых кранов, хлопчатобумажных тканей, растительного масла и т. д. Изделия предприятий Узбекской ССР идут на экспорт более чем в 90 стран мира.

За годы девятой пятилетки рабочий класс Узбекистана претерпел значительные изменения в количественном и качественном отношении.

О количественном росте рабочих и инженерно-технических работников в республике в истекшей пятилетке свидетельствуют следующие данные. Если в 1970 г. в промышленности УзССР было занято 466,4 тыс. человек, то в 1975 г. их число увеличилось до 561,0 тыс.²

Благодаря постоянной заботе партии и правительства неуклонно повышается культурно-технический уровень рабочего класса. Особенно большая работа проведена по совершенствованию подготовки квалифицированных рабочих, где важная роль принадлежала профессионально-техническому образованию. Повысилась и квалификация инженерно-технического состава.

В годы минувшей пятилетки растущий рабочий класс республики проявил высокую трудовую активность, которая прежде всего выразилась в развитии форм социалистического соревнования.

¹ Правда, 25 сентября 1973 г.

² Узбекистан за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1976, стр. 31.

В. И. Ленин придавал большое значение соревнованию в строительстве социализма, коммунистическом воспитании масс. «Организация соревнования, — указывал В. И. Ленин, — должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области»³.

Партийные, советские, хозяйственные и общественные организации всемерно содействуют развитию социалистического соревнования, обеспечению подлинной его массовости, экономической эффективности и воспитательного воздействия на трудящихся. В процессе соревнования возрастает уровень идейно-политического сознания рабочих, формируются качественно новые нравственные и эстетические нормы их поведения, крепнут товарищеские, коллективистские отношения, все более гармонично сочетаются личные и общественные интересы.

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «соревнование оказывает глубокое воздействие на хозяйственную практику и общественно-политическую жизнь страны, на нравственную атмосферу»⁴.

Решения XXV съезда КПСС вызвали новый прилив творческой активности масс, ярко проявившейся в дальнейшем размахе социалистического соревнования, появлении новых его форм, ценных починов трудящихся.

Отвечая делом на решения съезда, передовые рабочие Москвы и Ленинграда выступили с призывом досрочно выполнить задания девятой пятiletки. Их горячо поддержали и труженики промышленности Узбекистана, прежде всего коллективы заводов им. Октябрьской революции, лакокрасочного, швейной фабрики «Юлдуз» и других предприятий Ташкента. Фрезеровщица Ташкентского авиационного производственного объединения им. В. П. Чкалова А. Девятова первой обязалась выполнить пятилетнее задание по производительности труда за четыре года. Почин этой замечательной труженицы был подхвачен коллективами многих предприятий Ташкента, Самарканда, Андижана, Алмалыка, Ферганы и других городов республики.

В сентябре 1971 г. ЦК КПСС опубликовал постановление «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования»⁵. Этот важный документ сыграл большую роль в дальнейшем развитии массового соревнования во всех отраслях народного хозяйства, в том числе в промышленности УзССР.

Партийные, советские, общественные организации сосредоточили свое внимание на всемерной поддержке инициативы, творческой активности рабочих как действенного средства повышения производительности труда и эффективности общественного производства. Росло число новаторов, передовиков производства, инициаторов новых начинаний. Так, ткачихи Ташкентского текстильного комбината Л. Казанцева и Е. Губина решили увеличить норму обслуживания станков. Л. Казанцева стала работать на 48 станках, а Е. Губина — на 42 вместо 24 по норме. Л. Казанцева обязалась выполнить задание девятой пятiletки за 2,5 года и дать сверх плана 1,2 млн. м суровых тканей. Е. Губина дала слово завершить свою пятiletку за три года и выработать дополнительно к плану 630 тыс. м суровых тканей⁶. Сотни ткачих Ташкентского текстильного комбината, Маргиланской шелкомотальной фабрики и других предприятий подхватили инициативу Л. Казанцевой и Е. Губиной и

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 150.

⁴ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, М., 1976, стр. 92.

⁵ Правда, 7 сентября 1971 г.

⁶ Текущий архив Усовпрофа. Материалы IV Пленума Узбекского республиканского комитета профсоюзов рабочих текстильной и легкой промышленности, 1971, л. 3.

включились в борьбу за достижение наибольшей производительности труда при отличном качестве продукции.

Среди предприятий текстильной и легкой промышленности Узбекистана, активно участвовавших во всесоюзном и республиканском соревновании, в третьем квартале 1971 г. первенство завоевали коллективы Бухарского хлопкоочистительного завода, Ферганского текстильного и Маргиланского шелкомотального комбинатов, швейной фирмы «Красная заря», Ташкентского фарфорового завода⁷.

Бригада доводчиков механического цеха Андижанского машиностроительного завода, руководимая В. Петровым, первой в области поддержала почин ташкентских ткачих и обязалась выполнить программу девятой пятилетки за 3 года и 8 месяцев. На обувной фабрике Андижана это начинание подхватили прессовщица М. Исакова, на хлопковом заводе г. Ленинска — А. Рахманова⁸. Машинист экскаватора Ангренского угольного разреза Х. Алимкулов решил выполнить личную пятилетку за 4 года и 6 месяцев. На Чирчикской швейной фабрике к концу 1971 г. насчитывалось 250 работниц, поддержавших начинание ташкентских ткачих. Общее число последователей Л. Казанцевой и Е. Губиной достигло 16 тыс. человек. Одновременно ширились ряды последователей А. Девятовой. Их к середине 1972 г. на промышленных предприятиях республики насчитывалось 20 500 человек.

В 1972 г. наша страна широко отмечала 50-летие образования СССР. В честь этой знаменательной даты коллективы предприятий республики развернули социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий второго года девятой пятилетки. Так, коллектив Ташкентской фабрики «Красная заря» выступил с инициативой — отработать день юбилея на сэкономленном сырье и пошить 3 тыс. изделий. Многие коллективы развернули соревнование под девизом — «16 ударных декад в честь столицы нашей Родины — Москвы и братских республик»⁹. Большинство промышленных предприятий успешно выполнили свои обязательства по всем технико-экономическим показателям.

В республике ширилось и движение за коммунистическое отношение к труду. В середине 1972 г. на заводе «Таштекстильмаш» в нем участвовало около 3 тыс. человек — более 80% всего коллектива. В конце 1972 г. в строительных организациях треста № 162 г. Андижана в движении за коммунистическое отношение к труду принимали участие 1250 человек — более половины всех работающих. 23 бригадам этого коллектива было присвоено звание коммунистических, а 53 бригады боюлись за получение этого почетного звания¹⁰.

Развивались и новые формы соревнования — за создание «Фондов Ильича», за право называться «Ленинскими бригадами», «бригадами им. 50-летия СССР», «Лучшими специалистами по профессии» и т. д.

Растущий размах социалистического соревнования способствовал общему подъему производства. Так, выпуск ацетатного шелка на Ферганском заводе химического волокна вырос по сравнению с 1971 г. вдвое. Химики выпустили сверхплановой продукции более чем на полмиллиона рублей, сэкономив при этом много сырья и материалов.

План юбилейного 1972 г. многие области и отрасли промышленности республики выполнили досрочно. Так, коллективы промышленных пред-

⁷ Там же, л. 15.

⁸ Правда Востока, 7 января 1972 г.

⁹ Текущий архив Узсовпрофа. Протокол заседания Президиума Узсовпрофа от 16 ноября 1972 г., л. 18.

¹⁰ Текущий архив Андижанского горисполкома за 1972—1973 гг., протокол XI сессии горсовета 13-го созыва.

приятый Андижанской области выполнили народнохозяйственный план второго года пятилетки 5 декабря 1972 г. Объем промышленного производства по сравнению с 1970 г. вырос на 20,9%, объем реализуемой продукции — на 26,2%. В целом промышленность Узбекистана выполнила план реализации продукции досрочно, 25 декабря 1972 г.

Многие предприятия и строительные организации за успехи в социалистическом соревновании в ознаменование 50-летия СССР были удостоены юбилейных знаков ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и ВЦСПС. Ряд из них были награждены юбилейными дипломами ЦК КП Узбекистана, Президиума Верховного Совета УзССР, Совета Министров УзССР и Узсовпрофа.

Во всех отраслях промышленности УзССР, как и по всей стране, с большим подъемом было воспринято постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 г.¹¹ Отвечая на призыв партии, тысячи тружеников промышленности республики включились в соревнование за достижение новых рубежей в развитии производства под девизом — «Дать продукции больше, лучшего качества, с наименьшими затратами».

Ткачихи Ташкентского текстильного комбината Л. Казанцева, Е. Губина, Маргиланского шелкомотального комбината — А. Абдурахманова, Б. Стадниченко и другие обратились ко всем трудящимся республики с призывом еще выше поднять знамя социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки. Сознывая личную ответственность за судьбу государственных планов, за работу своих коллективов, авторы письма с первых дней пятилетки перешли на расширенную зону обслуживания станков, что позволило им намного увеличить производительность труда и давать сверхплановую высококачественную продукцию. За два года пятилетки ими было выработано сверх плана более 1 млн. м хлопчатобумажных и шелковых тканей. А. Абдурахманова выполнила личный пятилетний план в ноябре 1972 г., Б. Стадниченко — в декабре 1972 г., А. Тохтасынов, А. Умаров — в январе 1973 г.¹² и т. д.

Инициатива передовиков производства нашла широкую поддержку во всех трудовых коллективах республики. Рабочие кожевенных и меховых заводов, мебельной фабрики № 1 г. Ташкента, изыскав резервы, приняли встречный, более напряженный план дополнительного выпуска продукции. Возглавляемая Г. Васильевым бригада слесарей-шлифовщиков завода «Ташсельмаш» выступила с новым почином под девизом «Пятидневное задание — за четыре дня».

Коллективы заводов «Миконд» и «Узбекхиммаш», следуя примеру передовых предприятий страны, также приняли встречный план-обязательство. Коллектив завода «Миконд» решил в 1973 г. увеличить выпуск продукции на 22,3% (вместо 17,7% по плану), повысить производительность труда на 11% (вместо 10,3% по плану) и отработать 6 дней на экономлененных материалах. План полугодия по реализации продукции рабочие завода выполнили досрочно, 21 июня 1973 г. Используя внутренние резервы повышения производительности труда, рабочие завода «Узбекхиммаш» обязались увеличить первоначальный план по объему

¹¹ Правда, 6 января 1973 г.

¹² Текущий архив Узсовпрофа. Протокол Президиума Узсовпрофа от 15 февраля 1973 г., л. 16.

продукции на 5,2%. Коллектив сумел досрочно выполнить и эти повышенные обязательства¹³.

Положительных результатов в развитии социалистического соревнования добились коллективы Ургенского масло-мыловаренного завода, заводов — молочного, «Андижанирмаш», «Таштекстильмаш», авиасоединения им. В. П. Чкалова и др.

В 1974 г. трудящиеся Узбекистана вместе со всем советским народом отметили знаменательную дату — 50-летие образования Узбекской ССР и Компартии республики. Воодушевленные обращением ЦК КПСС «К партии, к советскому народу»¹⁴, они добивались все новых трудовых успехов. Так, 9 знатных тружеников Узбекистана решили выполнить за пять лет два пятилетних плана. Это были наманганская прядильщица Д. Ташпулатова, ташкентская ткачиха В. Солдатова, андижанская швея С. Мухитдинова, ташкентский обувщик С. Рахимов, бекабадский шофер Х. Абдуджабаров, ангренский бригадир Д. Зозулин, бригадир «Главташкентстроя» М. Хабибуллаев, слесарь-жестянщик завода «Ташсельмаш» М. Муитдинов, чирчикский токарь В. Мамаев. Их примеру последовало около 4 тыс. рабочих.

Росла трудовая активность коллективов завода «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», чирчикского трансформаторного, самаркандского завода «Красный двигатель», Ферганского текстильного комбината и многих других.

Рабочий класс достойно встретил золотой юбилей республики и Коммунистической партии Узбекистана. Социалистическим соревнованием в 1974 г. было охвачено 88% трудящихся республики. Особенно самоотверженно работал коллектив Чирчикского электрохимического комбината, давший тогда сверх плана 22 т минеральных удобрений и получивший 1 млн. руб. сверхплановой прибыли. Комбинат занял первое место в соревновании среди родственных предприятий страны. За достигнутые успехи в выполнении заданий четвертого года пятилетки 496 тружеников Андижана были награждены юбилейными Почетными грамотами. В авангарде соревнования в Андижанской области шли коллективы заводов «Электроаппарат», «Электродвигатель», «Андижанирмаш», масложиркомбината, мясокомбината и др.¹⁵

Рабочие Узбекистана активно участвовали во Всесоюзных ленинских субботниках. Например, 20 апреля 1974 г. на субботник в республике вышло свыше 5200 тыс. человек. Они изготовили продукции на 21 млн. руб., или на 2,5 млн. руб. больше, чем в ходе субботника, проведенного в 1973 г. За день субботника рабочие Узбекистана дали стране 70 млн. кВт.-ч электроэнергии, 100 млн. м³ газа, 15 тракторов, многие тонны стали, угля, нефти и т. д.

В 1975 г. рабочие Узбекистана, как и все трудящиеся страны, встали на трудовую вахту последнего года девятой пятилетки. На всех промышленных предприятиях шла упорная борьба за успешное выполнение программы, намеченной XXIV съездом КПСС, и достойную встречу XXV съезда партии.

Характеризуя рост трудовой активности рабочего класса Узбекистана в годы девятой пятилетки, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов отмечал: «Массовое

¹³ Там же. Протокол Президиума Узсовпрофа от 13 сентября 1973 г., л. 18.

¹⁴ Правда, 4 января 1974 г.

¹⁵ Текущий архив Андижанского горисполкома. Протокол X сессии горсовета, 1974 г.

распространение получили такие формы соревнования, как борьба за досрочное выполнение пятилетки, встречных планов, договора тысяч, трудовое соперничество смежников. Ударные вахты в честь знаменательных событий проходили под боевым девизом — «достижения передовиков сегодня — завтра норма для всех»¹⁶.

На заводах и фабриках усиливалось соревнование, в котором авангардную роль, как всегда, играли коммунисты. Партийные организации Узбекистана накопили богатейший опыт руководства этим движением и всеми средствами организационной и воспитательной работы обеспечивали массовость и высокую эффективность трудового соперничества.

22 августа 1975 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС», вызвавшее новый подъем массового соревнования. К осени 1975 г. в рядах соревнующихся находилось свыше 2,5 млн. человек, т. е. практически все работавшие, из них 50% участвовали в движении за коммунистическое отношение к труду, а полмиллиона человек были ударниками коммунистического труда¹⁷.

За звание коллективов коммунистического труда боролись свыше 68 тыс. бригад, 22,5 тыс. цехов и участков, 3534 предприятия республики, а 8790 бригад, 3162 цеха и участка и 110 предприятий были удостоены этого высокого звания. Свыше 300 тыс. человек участвовали в соревновании по профессиям¹⁸.

Передовые рабочие охотно передают свое мастерство молодому поколению рабочего класса. В этом деле большую роль играет движение наставничества, в котором к концу девятой пятилетки только в УзССР участвовало свыше 50 тыс. человек. Наставники являют личный пример самоотверженного труда. Подавляющее большинство их участвует в движении за коммунистическое отношение к труду. Это лучшие люди производства, передовики и новаторы, инициаторы ценных начинаний. Недаром свыше 17 тыс. наставников имеют правительственные награды¹⁹.

О росте творческой активности рабочего класса Узбекистана говорит и тот факт, что за годы девятой пятилетки число рационализаторов и изобретателей в республике выросло на 47%. Они внедрились 211 тыс. изобретений и предложений с годовым экономическим эффектом свыше 680 млн. руб.²⁰

Лучшие рабочие вносят свой вклад в развитие производства и как члены постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС). К концу 1975 г. на предприятиях УзССР действовало более 5 тыс. ПДПС, в работе которых участвовало 182 тыс. человек²¹.

В результате широкого размаха социалистического соревнования 18 декабря 1975 г. труженники промышленности республики досрочно выполнили народнохозяйственный план завершающего года пятилетки. Прирост промышленного производства за этот год по сравнению с предыдущим составил 9%. Промышленность Узбекистана реализовала сверхплановую продукции почти на 500 млн. руб.

Рост трудовой активности рабочего класса Узбекистана способствовал досрочному выполнению и плана девятой пятилетки в целом.

¹⁶ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад Центрального Комитета КП Узбекистана XIX съезду Компартии Узбекистана, Ташкент, 1976, стр. 44.

¹⁷ Совет Узбекистана, 20 сентября 1975 г.

¹⁸ Профсоюзы Узбекистана в годы 9 пятилетки, Ташкент, 1976, стр. 15.

¹⁹ Там же, стр. 22.

²⁰ Там же, стр. 21.

²¹ Там же, стр. 22.

Промышленность республики завершила его еще 10 сентября 1975 г. За пять лет объем производства увеличился более чем на 51%, вместо 46—49% по плану. Сверх плана было реализовано промышленной продукции почти на 1,7 млрд. руб. Производительность труда в промышленности повысилась на 26%, в строительстве — на 29%. Основные производственные фонды промышленности УзССР возросли в 1,7 раза²².

Таковы замечательные плоды творческой активности рабочих Узбекистана в годы девятой пятилетки. А ныне рабочий класс республики столь же самоотверженно борется за досрочное выполнение плановых заданий десятой пятилетки, за успешное претворение в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

Д. Г. Йўлдошева

**ЎЗБЕКИСТОНДА ИШЧИЛАР СИНФИНИНГ МЕҲНАТ
АКТИВЛИГИНИ УСИШИ**

Мақолада тўққизинчи беш йилликда Ўзбекистон ишчилар синфининг ижодий меҳнат активлиги янада ошганлиги ҳақида ҳикоя қилинади.

---

²² Узбекистан за годы девятой пятилетки..., стр. 32—33.

3. ХАТЫПОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

XXV съезд КПСС с новой силой подчеркнул огромное значение идеологической работы в успешном решении задач коммунистического строительства. «Сила нашего строя в сознательности масс, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК съезду, — поэтому партия считает своей постоянной заботой воспитание коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм»¹.

При этом Л. И. Брежнев отметил, что «дело коммунистического воспитания, как и всю свою революционно-преобразующую деятельность, КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории»².

В. И. Ленин считал основополагающими принципами идеологической работы партийность, идейность, научность. Принцип партийности требует твердого и последовательного выступления с позиций рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии; всемерной защиты марксистско-ленинского учения от оппортунистов и ревизионистов всех мастей; строгого соблюдения классового подхода при анализе и оценке общественных явлений.

В статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин рассматривал партийность как постоянное выражение идейной связи литератора, художника с пролетарской партией³. С партийностью, классовым подходом в идеологической работе тесно связана коммунистическая идейность, означающая глубокую веру в торжество наших идеалов, в победу коммунизма. На всех этапах коммунистического строительства партия призвала советских людей учиться идейной убежденности у великого Ленина.

Наша партия неуклонно руководствуется принципами партийности, классового подхода к явлениям общественной жизни и требует этого от всех научных и идеологических учреждений.

Активными помощниками партии в идеологической работе выступают деятели общественных наук. Партия придает огромное значение укреплению научных, теоретических основ идеологической работы.

В последние годы ученые-обществоведы усилили внимание к исследованию актуальных проблем общественных наук, тесно связанных с задачами идейного воспитания трудящихся. Как подчеркивалось в материалах XXIV съезда КПСС, «важно, чтобы исследования этих проблем осуществлялись не только на должном теоретическом уровне, но

¹ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партий в области внутренней и внешней политики, М., 1976, стр. 86.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 102—104.

непрерывно сопровождалась конкретными выходами на практику воспитания, идеологической деятельности»⁴.

XIX съезд Компартии Узбекистана в своих решениях отметил необходимость повышения требовательности к научным работникам, концентрации их усилий на изучении современного этапа коммунистического строительства, разработке актуальных проблем, в том числе вопросов совершенствования массовой идеологической работы⁵.

На современном этапе дальнейшее совершенствование и повышение эффективности марксистско-ленинского образования наших кадров, рост их теоретического уровня, идейная закалка становятся одной из важнейших задач партийных организаций в идеологической работе.

За последние годы партийные организации Узбекистана проделали значительную работу в этом направлении, чему во многом способствовало постановление ЦК КПСС «О марксистско-ленинской учебе и экономическом образовании руководящих кадров в Ташкентской городской партийной организации» (1973 г.)⁶.

Выполнив это постановление, партийные комитеты республики усилили внимание к вопросам совершенствования содержания и формы политической учебы кадров, сочетающих в себе идейную убежденность, высокие нравственные качества, чувство нового, творческий подход к делу, умение быть организатором и воспитателем масс. За период, прошедший после XXIV съезда КПСС, число слушателей во всех звеньях партийного образования увеличилось на 170 тыс.; на 60% возрос контингент слушателей в высшем звене. Содержание политической учебы значительно обогатилось, повысился его идейно-теоретический уровень, усилилась связь с конкретными задачами коммунистического строительства.

Определяя очередные задачи партийной учебы, XXV съезд КПСС обратил особое внимание на дальнейшее повышение ее эффективности, вовлечение в партийную учебу все более широких масс коммунистов и беспартийных.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов говорил на XIX съезде Компартии Узбекистана: «Политическая учеба — не самоцель, а это живое, творческое дело и главная его задача — воспитывать убежденных бойцов партии, она должна выковывать у коммунистов принципиальность, твердость характера, непреклонную волю, вооруженность их революционным оптимизмом, знаниями для борьбы с чуждыми взглядами и другими негативными явлениями»⁷.

Много внимания уделяют партийные организации Узбекистана экономической учебе как эффективной форме воспитания людей в духе коммунистического отношения к труду и социалистической собственности, важному условию повышения квалификации кадров, внедрения научных основ хозяйствования. Ныне различными формами экономической учебы в республике охвачено 1,5 млн. человек.

Планомерно поставленная экономическая учеба положительно сказывается на производстве. Это наглядно видно на примере успешной работы таких предприятий, как «Ташсельмаш», Чирчикский электро-

⁴ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1, М., 1971, стр. 111—112.

⁵ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад ЦК КПУз XIX съезду Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1976, стр. 55.

⁶ Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов. 1965—1973 гг., М., 1974, стр. 365—366.

⁷ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад..., стр. 47.

химкомбинат, Самаркандский лифтостроительный завод и многие другие.

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев говорил, что экономическое образование надо поставить, так, «чтобы оно в максимальной степени способствовало повсеместному распространению передового опыта, организации труда, внедрению в производство достижений науки и техники»⁸.

В современных условиях, когда на международной арене идет острая идеологическая борьба между миром социализма и миром капитала, особое значение имеет «непримиримая наступательная борьба против буржуазной и ревизионистской идеологии»⁹.

На XXV съезде КПСС с новой силой было подчеркнуто, что в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтралizmu и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»¹⁰.

На XIX съезде Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов указывал, что «нам нужна постоянная, боевая, наступательная пропаганда, которая формировала бы у трудящихся глубокое классовое самосознание, твердость идейных позиций».

Растить активных и сознательных граждан нашего общества, всегда готовых дать решительный отпор враждебным буржуазным взглядам и морали, — именно такую линию нужно проводить во всей нашей идейно-политической работе»¹¹.

На всех этапах своего развития партия придавала первостепенное значение дальнейшей разработке, умелой защите и пропаганде марксистско-ленинской теории. Развитие теории — это научное осмысление и обобщение актуальных проблем коммунистического строительства, его важнейших тенденций и перспектив. Теснейшая взаимосвязь научной и практической деятельности — неперенное условие успешного строительства коммунизма.

Единство теории и практики выступает незабываемой основой коммунистического воспитания советских людей. Оно требует комплексного подхода к проблемам воспитания, учета изменяющихся объективных условий и субъективных факторов. Сознание людей формируется при активном воздействии объективных условий их жизни. «Ничто так не вышает личность, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становятся повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания»¹².

Одновременно в формировании сознания советского человека все более возрастает роль субъективного фактора, т. е. идейно-воспитательной и организаторской работы Коммунистической партии, государственных органов и общественных организаций. Партийные комитеты координируют и совершенствуют деятельность всех общественных институтов, призванных осуществлять воспитание советских людей, — профсоюзов, комсомола, средних и высших учебных заведений, трудовых коллективов, культурно-просветительных учреждений, органов печати

⁸ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС..., стр. 93.

⁹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. II, М., 1971, стр. 255.

¹⁰ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС..., стр. 89.

¹¹ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад..., стр. 96.

¹² Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС..., стр. 93.

и других средств массовой информации. Особое внимание уделяется коммунистическому воспитанию молодежи.

В современных условиях возросло воспитательное воздействие силы примера, что находит свое выражение в распространении опыта новаторов производства, движении за коммунистическое отношение к труду. Коммунистическая партия подняла на качественно новый уровень организацию социалистического соревнования, ставшего могучим средством активизации творческой инициативы масс.

«Мерило успеха политического воспитания масс, конечно, конкретные дела,— говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде партии.— Коммунистическая идея этого сплав знаний, убеждения и практического действия. Это наиболее ярко выражается в социалистическом соревновании, которое оказывает глубокое воздействие на хозяйственную практику, на общественно-политическую жизнь страны, на нравственную атмосферу»¹³.

В центре всей воспитательной работы находится воспитание коммунистического отношения к труду, коллективистского образа жизни, самодисциплины, организованности, сплоченности трудового коллектива. Сила коллектива состоит в том, что он служит нравственной школой, в которой формируются характер человека, его убежденность, крепнет трудовая дисциплина, развивается чувство ответственности за общее дело. Иными словами, в этих первичных ячейках социалистического общества происходят те глубокие процессы, которые формируют личность на основах коллективизма. Коллектив выявляет нравственные позиции каждого, определяет характер и содержание его трудовой и общественной деятельности.

Наша партия уделяет неослабное внимание вопросам укрепления связи идеологической работы с хозяйственно-организаторской деятельностью. «Мы будем и впредь решительно и последовательно утверждать в работе государственных органов,— говорил Л. И. Брежнев,— ленинский партийный стиль»¹⁴. Партийные организации в своей повседневной работе исходят из того, что не существует чисто хозяйственных вопросов, которые не содержали бы социальных, идеологических, морально-политических аспектов. При этом они рассматривают воспитательные задачи всесторонне, учитывая все факторы, воздействующие на формирование мировоззрения и поступков людей.

Партия учит, что воспитание людей — это знание их настроений, что руководящие и инженерно-технические работники должны стать организаторами и воспитателями рабочих и служащих, органически сочетать хозяйственное руководство с воспитанием у людей уважения к труду, коллективизма, высоких нравственных норм, чувства патриотизма и интернационализма. Это — непререкаемый залог создания благоприятной моральной атмосферы в коллективах, товарищеских взаимоотношений и трудового настроя, которые в конечном счете содействуют повышению эффективности всей идейно-воспитательной работы.

Руководствуясь указаниями ЦК КПСС, партийные организации укрепляют связь воспитательной работы с организаторской, с опытом хозяйственного строительства. Они усиливают внимание к научному анализу и обобщению практики партийно-политической работы, к повышению эффективности и содержательности пропаганды и агитации, к действенности средств массовой информации. Местные партийные комитеты регулярно проводят научно-практические и теоретические кон-

¹³ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС..., стр. 91—92.

¹⁴ Правда, 15 июня 1974 г.

ференции, посвященные анализу содержания и форм идеологической работы, а также исследования по проблеме теории и методов идейно-воспитательной работы, ее эффективности.

Только в 1975 учебном году были проведены республиканская конференция по аграрной политике партии, 4 межобластные, 23 областные, 515 городских и районных научно-теоретических конференций, на которых обсуждались такие актуальные вопросы, как «Экономическое образование и повышение эффективности сельскохозяйственного производства», «Экономическое образование и развитие социалистического соревнования» и др.¹⁵

Заслуживает внимания постановка учебы кадров при Наманганском и Андижанском обкомах партии. Здесь организованы теоретические семинары для местных работников отделов пропаганды и агитации областных, городских и районных комитетов партии, руководителей областных идеологических учреждений по изучению теории и практики идейно-воспитательной работы. При Андижанском и Кашкадарьинском обкомах партии штатные идеологические работники изучали, например, тему «XXIV съезд КПСС о задачах идейно-воспитательной работы». Накоплен полезный опыт работы постоянно действующих семинаров для заместителей секретарей первичных партийных организаций, ведающих вопросами идеологии, в Ферганском горкоме и Среднечирчикском райкоме партии. Во многих горкомах и райкомах партии налажена постоянная учеба непосредственных организаторов идеологической работы в трудовых коллективах.

Идейно-воспитательная работа действенна, если она мобилизует людей на лучшую организацию труда, высокую производительность его, улучшение качества продукции, рост эффективности общественного производства. Ее действенность измеряется не только производственными показателями, но и результатами работы партии по формированию у трудящихся научного мировоззрения, коммунистической морали, всестороннему развитию личности, повышению общественной и трудовой активности коммунистов и всех трудящихся.

Идеологическая работа должна отличаться убедительностью, доходчивостью, ясностью. Это важнейший принцип методики ведения устной и печатной пропаганды: он включает совокупность методов, приемов, способов четкого и ясного изложения сложных вопросов научной теории и общественно-политической практики. Как подчеркивал В. И. Ленин, «ясность пропаганды и агитации есть основное условие»¹⁶.

В. И. Ленин призывал партийные кадры учитывать особенности конкретной аудитории, интересы и запросы различных слоев населения, их собственный опыт. Руководствуясь ленинскими принципами и традициями, партийные комитеты настойчиво улучшают методическую работу с пропагандистскими кадрами.

Для идеологических работников областных, городских и районных комитетов партии организованы специальные школы, теоретические семинары по изучению актуальных проблем идейно-воспитательной работы на современном этапе. Заслуживает внимания практика обучения идеологических работников на теоретических семинарах при обкомах КПУз.

В последние годы все чаще проводятся теоретические и научно-практические конференции как в республиканском, так и в районном, областном масштабе, нацеленные на обобщение и распространение по-

¹⁵ Партийная жизнь, 1976, № 8, стр. 76.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 252.

ложительного опыта идейно-воспитательной работы. Такие мероприятия, как Ташкентская научно-методическая конференция идеологических работников республик Средней Азии и Казахстана на тему: «Марксистско-ленинская учеба и экономическое образование руководящих кадров» (1973 г.), республиканская конференция «Торжество ленинской национальной политики», межобластные научно-практические конференции организаторов и пропагандистов системы экономического образования на тему: «Экономическое образование и повышение эффективности производства», межобластные научно-методические конференции преподавателей общественных наук вузов республики по вопросам усиления идейно-воспитательной работы, имели большое значение в повышении эффективности идеологической работы среди трудящихся.

Система работы с идеологическими кадрами включает их идейно-теоретическую учебу, практику информирования, обобщения опыта, перспективного планирования мероприятий. Особое внимание обращено на выработку научных основ и методов идеологической работы, изучение ее результативности.

Важную роль в совершенствовании всей идейно-воспитательной работы сыграли постановления XV Пленума ЦК КПУз «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения идеологической работы партийной организации республики в свете решений XXIV съезда КПСС»¹⁷, собрания Республиканского актива «Задачи партийной организации Узбекистана в свете постановлений ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»¹⁸, «О мерах по идеологическому обеспечению досрочного выполнения народнохозяйственного плана и социалистических обязательств 1975 года»¹⁹, материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта»²⁰ и др.

Вопросы совершенствования и повышения эффективности всей идеологической работы стали планомерно обсуждаться на партийных комитетах, пленумах и собраниях партийного актива. Они находились и в центре внимания XIX съезда Компартии Узбекистана.

Задачи коммунистического строительства, говорил на XIX съезде КПУз Ш. Р. Рашидов, требуют «всемерного совершенствования руководства идеологической деятельностью на основе глубокого и всестороннего анализа общественных процессов, научного, комплексного подхода к идейно-воспитательной работе»²¹.

Мощным фактором повышения эффективности идеологического воздействия служат средства массовой информации — печать, телевидение, радио. «Печать, — отмечал на XIX съезде КПУз Ш. Р. Рашидов, — должна более глубоко, выразительно и вдумчиво освещать общественно значимые явления..., давать достойный отпор лживой буржуазной пропаганде»²². Это в равной мере относится к радио и телевидению.

В идейно-политическом воспитании советского человека огромную роль играют литература и искусство. В своей деятельности по руководству развитием художественной культуры Компартия Узбекистана руководствуется принципами ленинской партийности и идейности, неустанно

¹⁷ Партийная жизнь, 1973, № 8, стр. 73.

¹⁸ Коммунист Узбекистана, 1974, № 7, стр. 20.

¹⁹ Коммунист Узбекистана, 1975, № 8, стр. 8.

²⁰ Коммунист Узбекистана, 1975, № 7, стр. 18.

²¹ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад..., стр. 62.

²² Там же, стр. 56.

заботясь о совершенствовании форм и методов организаторской работы в творческих союзах.

Высоко оценивая труд наших литераторов и искусствоведов, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС отметил, что главным направлением в их произведениях является ленинский принцип партийности, и это позволяет им быть активными проводниками коммунистических идей.

В творчестве нашей художественной интеллигенции «все глубже находит отклик, чем живет наша страна, что стало частью личных судеб советских людей»²³. Это относится и к лучшим произведениям писателей Узбекистана последних лет. Таковы «Живая вода» Р. Бабаджана, «Аромат фиалки» Х. Гуляма, «Сорок пять дней» С. Ахмада, «В степь пришла весна» Р. Файзи, «В бурях есть покой» и «Чинара» А. Мухтара, драмы К. Яшена «Заря революции» и У. Умарбекова «Весенние дожди», коллективные сборники «Книга побед», «Интеллигенты», «Золотые руки» и др. Главные герои этих произведений — наши замечательные современники, лучшие люди труда, новаторы производства.

Выступая на XIX съезде Компартии Узбекистана, Ш. Р. Рашидов призывал творческую интеллигенцию и впредь «воспитывать чувство высокой ответственности, выработать твердый классовый подход..., полностью исключающий возможность проникновения чуждых нам взглядов»²⁴.

В резолюции XXV съезда КПСС сказано: «Донести идеи съезда до каждого коммуниста, каждого советского человека — таков почетный долг не только работников идеологического фронта, но и всех наших партийных активистов... Во всем этом — одна из предпосылок неуклонного проведения в жизнь решений съезда».

Откликаясь делом на призыв съезда, наши партийные, научные, творческие кадры широким фронтом ведут разработку актуальных проблем теории и практики коммунистического воспитания, научных основ партийной пропаганды

Основные принципы массовой идеологической работы — ценнейшее достояние КПСС и всех братских марксистско-ленинских партий, которые творчески развивают и обогащают эти принципы, наполняют их живым опытом, новыми эффективными формами, методами и средствами. Дальнейшее развитие этих принципов и умелое применение их в практике идеологической работы служат общему делу воспитания широких масс в духе сознательных, самоотверженных борцов за коммунизм,

З. Хатипова

ҲОЗИРГИ ЗАМОН БОСҚИЧИДА ИДЕОЛОГИЯ ИШЛАРИНИНГ БАЪЗИ БИР МАСАЛАЛАРИ

Мақолада (Ўзбекистоннинг конкрет материаллари асосида) КПСС XXV съездининг тарихий қарорлари асосида оммавий идеологик ишларни янада ривожлантиришнинг баъзи бир актуал масалалари кўриб чиқилган.

²³ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС..., стр. 95.

²⁴ Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад..., стр. 60—61.

И. К. ДОДОНОВ

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ИСТОРИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ¹

XXV съезд КПСС выдвинул новые ответственные задачи перед деятелями советской науки, в том числе общественных наук.

В материалах съезда подчеркнута необходимость дальнейшего развития фундаментальных исследований в области общественных наук, опирающихся на прочную базу марксистско-ленинской теории и неразрывно связанных с коренными проблемами коммунистического строительства в нашей стране.

Успешное решение этих актуальных задач во многом зависит от дальнейшего совершенствования подготовки и непрерывного повышения квалификации научных кадров. И здесь немаловажную роль играют анализ, обобщение и творческое использование уже накопленного опыта работы с научными кадрами, особенно высшей квалификации.

В этом плане представляются полезными публикации ученых с многолетним опытом, в которых они делятся личными впечатлениями о практике подготовки высококвалифицированных научных кадров².

У каждого ученого, связанного с подготовкой кандидатов и докторов наук, имеется свой опыт, и в этой области у всех нас немало общего, схожего, но имеются и свои особенности. Здесь же хотелось поделиться некоторыми наблюдениями, накопившимися в процессе личного участия в подготовке кадров будущих докторов исторических наук.

Как известно, в послевоенные годы, особенно со второй половины 50-х годов, происходит общий подъем советской исторической науки. Как и вся советская наука, эта отрасль обретает все большее значение в жизни страны. Усиливается подготовка кадров историков, в том числе высшей квалификации. Если в 1950 г. историков — докторов наук у нас насчитывалось всего 244, то в 1955 г. — 260, в 1960 г. — 321, в 1965 г. — 638 (удвоение за одно лишь десятилетие!), а в 1970 г. — 1228 (вновь удвоение!). Таким образом, за 20 лет количество историков — докторов наук увеличилось более чем в 5 раз³.

Автору этих строк с первых послевоенных лет пришлось активно включиться в подготовку кадров ученых-историков высшей квалифи-

¹ Статья акад. АН УзССР И. К. Додонova печатается в порядке обсуждения. Публикуя воспоминания-размышления одного из старейших наших ученых-историков, редколлегии журнала полагает, что отраженный в них богатый личный опыт работы автора с будущими докторами наук содержит немало поучительного и полезного для дальнейшего совершенствования подготовки научных кадров в области общественных наук.

² См., напр.: А. Сидоров. Некоторые размышления о труде и опыте историка, История СССР, 1964, № 3; А. И. Гуковский. Как я стал историком, История СССР, 1965, № 6; П. И. Кабанов. Из жизни педагога-историка, История СССР, 1969, № 6, и др.

³ См. «История СССР», 1974, № 4, стр. 109.

кации. Формы моего участия в этом ответственном и многотрудном деле были самые различные. Прежде всего, повседневные научные консультации, постоянная помощь будущим кандидатам и докторам наук. Я выступал в качестве научного консультанта при учреждениях союзных академий и университетах Средней Азии, Казахстана, Украины, Грузии, МГУ, Института истории СССР АН СССР, Новосибирского филиала АН СССР и т. д.

Широко применялась и такая форма, как отклики на авторефераты, в которых я стремился давать аргументированную оценку труда и высказывал критические замечания по принципиальным вопросам. Нередко выступал и официальным оппонентом. Особенно обстоятельно приходилось давать разбор докторских диссертаций в роли постоянного референта ВАК. Почти каждая рецензия для ВАК — это своего рода самостоятельная научная работа, требующая исключительной добросовестности и объективности. Моя причастность к подготовке историков высшей квалификации носила и иные формы.

По далеко не полным подсчетам, мне довелось содействовать подготовке более 70 докторов наук. В основном это были специалисты по отечественной истории и истории КПСС (советский период). Вместе с тем я был причастен и к подготовке ряда докторов наук в области философии, филологии, педагогики, экономики. С удовлетворением отмечаю, что многие из них стали видными советскими учеными.

Активное содействие подготовке и повышению квалификации научных кадров — моральный долг каждого настоящего ученого. Как справедливо заметил акад. М. А. Лаврентьев, помочь талантливому человеку войти в науку — для ученого дело, пожалуй, даже более важное, чем собственный крупный научный результат⁴. Подготовка новых научных кадров требует кропотливейшего труда, массы времени, полной отдачи сил, энергии, знаний, особенно когда речь идет о будущих докторов наук.

Доктор наук — это прежде всего ученый-патриот, преданный нашей Родине, Коммунистической партии, сочетающий в себе высокий профессионализм знаний с устойчивой коммунистической убежденностью, тесно увязывающий свои научные изыскания с практикой коммунистического строительства, активным участием в общественно-политической жизни страны.

Доктор исторических наук — это в известной мере «живая энциклопедия» в своей области и непременно знаток специальных и вспомогательных исторических дисциплин. К нему применимо известное высказывание К. А. Тимирязева: «Человек должен понемногу знать обо всем и все о немногом».

Говоря об этом своим питомцам, я всегда напоминал им, что доктор наук должен углубиться глубокими знаниями, высоким мастерством исследования, уметь строить широкие научные обобщения, ставить и решать актуальные проблемы, находить новые, перспективные направления развития научной мысли.

В исторической науке еще много неподнятой целины, особенно в фундаментальной разработке коренных проблем истории советского общества периода развитого социализма. И тут на первый план непременно выступает роль доктора наук. Это он призван стоять во главе актуального научного направления, возглавлять определенную научную школу, группировать вокруг себя учеников, последователей, воспитывать себе смену, а значит — развивать ту отрасль знаний, которой он посвятил свою жизнь.

⁴ Правда, 18 октября 1960 г.

Постоянно готовить новые кадры ученых высшей квалификации — нравственный и служебный долг доктора наук. Нельзя даже представить себе доктора наук, не имеющего учеников и последователей. Акад. К. И. Скрябин писал: «Советский ученый без смены, без молодежи, ученый-одиночка — явление явно уродливое и абсолютно в нашей стране нетерпимое»⁵. За круглым столом «Литературной газеты» акад. В. А. Амбарцумян говорил: «Самое почетное... — это вырастить ученика, лучшего, чем ты сам»⁶. В том же духе высказывались и многие другие ведущие ученые.

Возглавляя определенный участок исторического фронта или руководя группой, коллективом ученых, доктор наук обязан защищать и развивать завоеванные научные позиции, не останавливаться на достигнутом, а постоянно продвигаться вперед и дальше, энергично и решительно добываясь новых научных результатов. От деятелей исторической науки требуются глубокое знание наших идеологических противников, буржуазных фальсификаторов истории и умелая, наступательная борьба против измышлений всякого рода «советологов», против правого и «левого» ревизионизма. И знать наших идейных противников надо не из чужих рук (по цитатам из журналов и газет, переводных работ), а по оригиналам.

Доктор наук должен постоянно обновлять свои знания, особенно в условиях нынешней научно-технической революции, когда наши знания обновляются через каждые 7—10 лет. Здесь нужны упорство, настойчивость, целеустремленность в приобретении новых знаний, независимо от возраста и занимаемой должности. Мне часто приходилось напоминать будущим докторам наук слова А. М. Горького, уже в преклонном возрасте писавшего о себе: «Я все еще ученик и таковым пребуду до конца моих дней, ибо познание есть наслаждение».

В беседах с моими питомцами я постоянно касался и вопросов нравственного облика. Советского ученого отличают высокая научная добросовестность, принципиальность, скромность, уважение к успехам своих коллег, подлинная профессиональная этика. И здесь образцом нам служат корифеи науки (к сожалению, у нас выходит еще до обидного мало книг об их жизни, творчестве, нравственном облике).

Вообще на современном этапе резко повысились требования к научным кадрам. Неслучайно в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров» особое внимание обращается на вопросы повышения требовательности к аттестации кадров ученых, более квалифицированной оценке качества диссертационных работ, а следовательно, и качества самих диссертантов. В постановлении четко определены требования к качеству диссертационных работ, повышению их теоретической и практической значимости. Должно быть установлено «незыблемое правило, чтобы к защите принимались теперь такие диссертационные работы, которые имеют научную и практическую ценность...»⁷

Разумеется, немислимо в те жесткие сроки, в течение которых обычно готовится докторская диссертация, воспитать ученого высшей квалификации. Это дело всей его жизни. Главное поэтому, как показывает опыт, — направить ученого на путь постоянного совершенствования в области своей специальности, заблаговременно выявить и развить в нем многое из того, чем обязан обладать доктор наук.

⁵ См. «Вестник высшей школы», 1961, № 8, стр. 46.

⁶ Литературная газета, 25 сентября 1974 г.

⁷ См. «Правда», 9 ноября 1974 г.

Меня прежде всего интересовали личность диссертанта, его биография, жизненный опыт, творческие возможности, степень его подготовленности к занятиям проблемной темой. Обычно это — кандидат наук, доцент, уже имеющий определенный «задел», успевший опубликовать нечто значительное, обладающий способностью вести самостоятельное научное исследование.

Из личных бесед, ознакомления с документальными данными, публикациями постепенно складывалось понятие о человеке, о том, чего он хочет от науки, понимает ли трудности предпринимаемого дела, учитывает ли свои возможности.

Дело в том, что не каждому по плечу докторское исследование. Для этого нужны определенная одаренность, известный талант. У нас же многие считают, что докторская степень доступна чуть ли ни любому кандидату наук, стоит лишь потрудиться, да позаимствовать опыт других. Приходилось напоминать моим подопечным об этом глубоком заблуждении.

Подчас некоторые научные учреждения пытаются искусственно «тянуть» в доктора людей, не отвечающих соответствующим требованиям, имеющих смутное представление о сути докторской диссертации, предмете исследования, методике его разработки, источниках, литературе по теме и т. п. Изредка попадались и такие «кандидаты» в доктора, которые приходили ко мне с вопросом, какой бы темой им заняться и какую литературу следует использовать для этого.

Встречались лица, явно торопившиеся стать докторами наук, самонадеянно пытавшиеся «сделать» докторскую диссертацию «сходу», не понимавшие качественной разницы между кандидатской и докторской диссертациями. Во время дискуссии, развернувшейся в 1974 г. на страницах «Литературной газеты», также приводились случаи, когда люди, не вполне подготовленные к тому, чтобы стать доктором наук, всю свою энергию употребляли на то, чтобы «пробить» докторскую диссертацию⁸.

Думается, что институт докторантуры был недостаточно эффективным. Конечно, стремление форсировать подготовку докторов наук диктовалось запросами самого развития науки. Однако в докторантуру нередко направлялись лица, не имевшие ни прочного «задела», ни должной эрудиции в избранной специальности, не говоря уже о наличии определенной одаренности и серьезного исследовательского опыта. А ведь надо было в короткий срок положить на стол готовый для защиты труд. И получались закономерные срывы. Зачастую докторанты не укладывались в отведенное им время и завершали свои работы через много лет после окончания докторантуры.

Нам представляется, что далеко не всегда оправдывает себя и нынешняя вузовская практика перевода доцентов на один-два года в научные сотрудники. Сама по себе это — важная форма форсирования подготовки докторов наук. Но имеется немало примеров, когда такой перевод не сопровождается ожидаемым результатом. Переводить в научные сотрудники надо лишь того, кто на деле зарекомендовал себя одаренным, вполне зрелым исследователем и вчерне уже создал докторский труд.

Опыт показывает, что без серьезного «задела», без многолетних исследований в избранной специальности нельзя за два-три года стать доктором наук. Ко мне, например, обычно приходили ученые, которым предстояло лишь завершить свой многолетний труд, а иногда просто оформить его. Приходилось заниматься с ними по преимуществу окон-

⁸ См. «Литературная газета», 27 марта 1974 г.

чательной отработкой всех элементов диссертации, ее содержания и формы, более четким определением проблем и положений автора. Особенно много труда требуют введение (критика источников и литературы), заключение (выводы и обобщения), а также автореферат.

Высокое качество докторской диссертации — это не только умелая постановка проблемы, глубокий анализ и обобщение соответствующего фактического материала, теоретически и практически ценные выводы. Это еще и отсутствие композиционной рыхлости, четкость структуры, продуманная архитектура, логичность и последовательность мысли, отсутствие общих фраз и чисто описательных моментов, повторов и ненужных длиннот и много другое. Нечего и говорить, что в диссертации должен быть использован только тщательно выверенный, точный, взятый из критически сопоставленных достоверных источников фактический материал, и вся работа должна быть внимательно вычитана после каждой переписки и перепечатки текста. Скрупулезной проверки требует весь научный аппарат диссертации.

Очень важен правильный выбор темы, круга изучаемых вопросов, хронологических и территориальных рамок исследования.

Практика показывает, что слишком широкая тема подчас ведет к голой описательности основных событий, простому переложению источников. Слишком узкая тема чревата обеднением научного вклада, уходом в мелкотемье, что недопустимо для докторской диссертации. И дело здесь отнюдь не в самом названии темы. Здесь уместно сослаться на акад. Д. С. Лихачева, затронувшего этот вопрос в своей статье, опубликованной в «Литературной газете» в 1974 г.⁹, применительно к литературоведению. Суждения автора вполне можно отнести и к исторической науке. Д. С. Лихачев справедливо отмечает, что наука нуждается и в больших, и в узкоспециальных темах, без разработки которых невозможно правильно построить историко-литературную перспективу в широком плане. У нас, замечает далее автор, «часто смешивают широту темы с ее актуальностью и тему работы с ее выполнением. Между тем можно на самую крупную и актуальную тему написать мелкую и плохую работу. Но можно на узкую тему написать исследование, открывающее широчайшие перспективы, новые пути в науке. И узкая тема может стать актуальной, а широкая может быть озаменована униженным для автора топтанием на месте под унылый аккомпанемент толчения воды в ступе».

Мысль, конечно, не нова, но выражена предельно четко и в целом применима также к науке истории.

В практике нашей работы с докторантами этот вопрос приобретает весьма важное значение. Очень многое зависит от постановки вопросов, говорил я своим питомцам. Правильно поставить вопросы темы — значит во многом обеспечить успех их решения. Очень важно уметь верно определить конструкцию исследования, выделить стержневые узлы, соблюсти необходимые пропорции, исключить все, что отягощает исследование, не упустить ничего из того, что обеспечивает его цельность, стройность пропорций. Порой авторы диссертации становятся на путь простого описания фактов. Это то, что Д. С. Лихачев назвал униженным для автора «топтанием на месте», «толчением воды в ступе». Это недопустимо и для кандидатских диссертаций, и вообще для любой работы, претендующей на ранг научного исследования.

Много времени и сил отнимает работа с автором над темой, конструкцией диссертации. Здесь требуются высокая научная эрудиция

⁹ Акад. Д. С. Лихачев. Популяризация или исследование? Литературная газета, 18 сентября 1974 г.

диссертанта, его способность к аналитическому мышлению, понимание диалектики абстрактного и конкретного, исторического и логического в процессе познания.

Здесь у нас с диссертантом — одна из важнейших встреч с методологией. Надо еще и еще раз обращаться к классикам марксизма-ленинизма, вдумываться в их научный метод, структуру их выдающихся произведений, ее соотношение с конкретным содержанием каждой работы.

Особые трудности, я бы сказал, встают на пути историков советского общества. Дело в том, что создано множество книг, брошюр, журнальных исследовательских статей по истории Великого Октября, гражданской войны, Великой Отечественной войны и по другим разделам истории советского общества, а потому здесь таится та серьезная опасность, о которой говорил Д. С. Лихачев применительно к литературоведению, — это риск потеряться в «монблане» книг при определении своего места как исследователя. «Чем обильнее научная литература, тем труднее разобраться и в том, кем сделано то или иное открытие, в чем его значение. От этого растет количество плагиатов — вольных и невольных, открытых и завуалированных...»¹⁰

Так, по истории Октябрьской революции на материалах союзных республик и областей написаны и защищены многие десятки докторских диссертаций. А впереди — 60-летие Октября, и на столы исследователей уже ложатся новые работы, посвященные этой замечательной дате. Или взять проблему некапиталистического пути развития ранее отсталых народов к социализму. Сколько докторских диссертаций! Но чаще всего это — изложение общей истории социалистического строительства, только названия разные. И получаются сплошные повторы. Невольно вспоминаешь слова В. И. Ленина: «Все это было описано, изучено и разъяснено...»¹¹

Так что же взять из довольно разработанной уже проблематики? Отложить ее в сторону? Но ведь это — магистральные направления нашей науки! И снова встает вопрос о конструкции, аспекте исследований.

Или взять, скажем, проблему ленинской национальной политики. Под разными названиями часто излагается одно и то же. Видимо, приближается время, когда будет проводиться строгое различие между работами специально-исследовательского характера, которым повтор и дуближ совершенно противопоказаны, и работами научно-популярного назначения, где повтор, можно сказать, уже запрограммирован.

Итак, конструкция — наиболее существенный момент, характеризующий научный уровень докторского исследования. Иначе — «толчение воды в ступе».

В моей практике нередко встречались и случаи неумения докторантов соблюдать требования марксистско-ленинской методологии о соотношении между целым и частью. Одни авторы искусственно абстрагируются в область общих положений (целого) в ущерб анализу конкретного, другие, напротив, увлекаются частным, не умея выявить общее, закономерное. Забывают положения В. И. Ленина: «Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного». Оно «лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы»¹².

Подчас наблюдается отход от методологического принципа выявления общей закономерности и ее проявлений в частном. В. И. Ленин под-

¹⁰ Литературная газета, 18 сентября 1974 г.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 285.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

черкивал, что методологический принцип анализа включает учет общего и частного. Например, в общен историческом надо непременно учитывать национально-особенное. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» он писал: «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны...»¹³

Весьма важное значение для докторского исследования имеет глубокий критический анализ источников и литературы по данной проблеме. Это исключительно трудоемкое дело, а отсюда частые срывы, подмена историографии библиографией, полный разрыв между библиографией, приведенной в конце диссертации, и отражением ее во введении и подстрочниках. Нередко приходилось решительно исключать из введения литературу, не относящуюся непосредственно к теме, популярно-пропагандистские брошюры, не имеющие прямого отношения к строго исследовательским работам, и т. п.

Историографический обзор должен отражать развитие научной мысли по данной проблеме. Обычно это особенно трудно. Далек не все докторанты имеют ясное представление об историографии как предмете науки.

Научная критика источников — тоже камень преткновения для многих диссертантов. Обычно исследователям приходится сетовать на нехватку материалов, нередко собирать их по крупицам. Иное положение у исследователя истории советского общества, особенно более поздних периодов. Многие мои подопечные подчас тонули в море документального материала, нередко шли на поводу у него, сбиваясь на простой пересказ документов, оказываясь в плену у материалов. Надо прямо сказать, что еще на студенческой скамье мы плохо обучаем будущих историков умению работать над источником, дать его критический анализ. И это сказывается впоследствии в творчестве ученого.

Нередко в научных работах и документальных публикациях мы встречаемся со ссылками на архивные источники, уже введенные в научный оборот. Один рецензент на страницах журнала «История СССР» справедливо упрекал рецензируемого автора в том, что он «пренебрег правилом элементарной научной добросовестности, делая ссылки на архивы, когда архивные материалы уже опубликованы или введены в научный оборот другими авторами»¹⁴. «Неправильно ссылаться на архив,— писала М. К. Рожкова,— если документ ранее был опубликован или использован другим исследователем»¹⁵. «В таком случае необходимо ссылаться на того автора, который ранее использовал этот материал. Бывает злостное игнорирование фактов об использованных источниках предшественником, но это уже граничит с плагиатом»¹⁶. М. К. Рожкова справедливо отмечает, что «система ссылок на использованные ранее первоисточники в корне порочна. Она зачеркивает историографию, как науку»¹⁷. Еще в «Правилах издания документов» (1919 г.) предусматривалось: «...При публикации документов давать ссылку на печатные издания, если документ был ранее опубликован»¹⁸.

Все эти элементарные вещи приходится еще порой разъяснять некоторым диссертантам.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

¹⁴ История СССР, 1964, № 3, стр. 180.

¹⁵ М. К. Рожкова. Мой опыт работы с историческими источниками, История СССР, 1961, № 6, стр. 167.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 168.

¹⁸ Там же.

Хотелось бы коснуться и самой техники написания диссертации. Подчас наши диссертанты слабо владеют пером. Дело это действительно трудное. Умение писать обычно дается путем длительного практического опыта. В области искусства известно выражение: «Художественному творчеству нельзя научить, ему можно научиться». Бывает, что и у маститых ученых «не выходит», «не пишется». И мне нередко приходилось призывать своих подопечных не отчаиваться, а настойчиво и упорно овладевать тайнами творчества, учиться писать.

Иногда приходилось при этом ссылаться на авторитеты из области литературы и искусства. Так, А. М. Горький писал 11 февраля 1926 г. М. М. Пришвину: «Может быть, вам это покажется смешным или даже фальшивым, но вот в этом или в 27 году исполнится 35 лет моей работы, а я еще не знаю, как надо писать, и — учусь»¹⁹. А вот что писал И. Е. Репин: «На девятом десятке лет моих усилий я прихожу к убеждению, что мне надо вообще очень долго, долго работать над сюжетом (искать, менять, переделывать, не жалея труда), и тогда в конце-концов я попадаю на неожиданное — кладезь и только тогда чувствую и сам, что это уже драгоценность... Нечто небывалое».

Очень важно, советовал я своим подопечным, иногда на некоторое время как бы отходить от написанного тобой, сделать некоторый перерыв, а затем вновь возвращаться к тексту и уметь читать себя как бы «со стороны»; тогда, возможно, полнее выявятся «тупики», пробелы, выяснится, почему «не пишется», и т. п.

Не всегда легко добиться от диссертанта ясности мысли, четкости литературного стиля. Есть старинное изречение—«мудрено пишут только о том, чего не понимают». Образцом для нас должны служить классики марксизма-ленинизма, в произведениях которых самые сложные вопросы теории и практики излагаются предельно четко и ясно.

Многим же диссертациям наших ученых присущи тяжеловесный стиль, громоздкие фразы, сухость изложения и т. п. Далеко не все авторы обращаются к шедеврам художественной литературы. И здесь нам еще многому надо поучиться у классиков марксизма-ленинизма. Будущий доктор наук может и должен пользоваться литературными образцами в плане научного и художественного познания исторической действительности, в плане развития своего образного мышления. И я настоятельно рекомендовал моим докторантам больше читать классиков литературы и вырабатывать не только безупречность литературного стиля, но и образность исторического мышления.

Еще один немаловажный вопрос. А. М. Горький как-то упрекал историков, что у них история получается безымянной. С подобными фактами мы сталкиваемся и в наши дни. Подчас безликость диссертационных работ объясняется трудностью выявления биографического материала о тех или иных исторических личностях. Советские энциклопедические словари публикуют биографии, но непосредственные творцы истории представлены в них пока лишь именами наиболее прославленных новаторов производства. В нашей печати нет-нет, да и промелькнет сетование на отсутствие биографических словарей²⁰. Мне думается, что собирателями биографического материала в своих областях должны стать и сами диссертанты, ибо у них всегда под руками — живой первоисточник.

¹⁹ См. «Литературная газета», 1 февраля 1963 г.

²⁰ См., напр., упомянутую выше статью Д. С. Лихачева (Литературная газета, 18 сентября 1974 г.).

В заключение остается пожелать, чтобы наши видные ученые — и не только историки — чаще делились в печати своим опытом работы с научными кадрами, поскольку анализ, обобщение, критическое использование и творческое продолжение накопленных в этой области плодотворных результатов (равно как и учет допущенных ошибок и недостатков) принесут несомненную пользу общему делу подготовки высококвалифицированных ученых, послужат дальнейшему расцвету советской науки, повышению ее роли в жизни нашего общества, в строительстве коммунизма.

И. К. Додонов

**ОЛИИ МАЛАКАЛИ ТАРИХЧИ КАДРЛАР ТАЙЕРЛАШ
ТАЖРИБАСИДАН**

Автор мазкур мақолада юқори малакали тарихчи-олим кадрлар тайёрлашда тўплаган бой тажрибаси билан ўртоқлашади.

О ХАРАКТЕРЕ СТЫКОВ НАУКИ*

Задача познания стыка отраслей науки. Как известно, в содержание науки входят понятийный аппарат, методы, объекты и субъекты познания. В структурном отношении наука как система состоит из различных компонентов, отраслей и аспектов знания. Мерой различия компонентов служит стык. Философское обобщение и предвидение достижений естественных и общественных наук в определенной степени означает рассмотрение природы стыка различных отраслей науки. Значимость вопроса о стыке науки особо отмечалась на XXV съезде КПСС: «Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности — естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере»¹.

Классификация стыков. Принцип классификации стыков должен исходить из сущности и форм движения материи, а также узловых вопросов его проявления и изучения. Согласно этому принципу, можно, например, дать следующую классификацию стыков.

I. Общие стыки. К ним относится философская интерпретация всех направлений науки. Цель изучения этих стыков — философское обобщение и методологически правильное направление и использование достижений отраслей науки, особенно современной научно-технической революции.

II. Стыки между основными секторами науки. Наука как духовная сфера познания и действия состоит в основном из трех групп секторов: естественные, технические и общественные науки. Стык между ними носит здесь абсолютный и вместе с тем относительный характер. Например, математику, кибернетику в современных условиях нельзя относить только к одному из этих секторов. XXV съезд КПСС подчеркнул необходимость плодотворного изучения взаимодействия и взаимозависимости между этими науками: «Усилить взаимосвязь общественных, естественных и технических наук»².

III. Особенные стыки. Если объектом исследования философии является движение материи, частных наук — специфические формы этого движения, то существуют и такие науки, которые не имеют своих особых объектов. Это — математика, логика, общая теория систем, кибернетика, экология, научно-техническая революция как отрасль знания.

Математика как наука о количественных и пространственных отношениях любых объектов объективного мира служит мощным орудием

* Печатается в порядке обсуждения.

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, стр. 72.

² Там же, стр. 213.

многих наук. Кибернетика как наука о количественных методах управления человеком процессами неживого и живого мира, общественной жизни тоже имеет более широкую сферу действия, чем любая частная наука. Хотя кибернетика не является частью естествознания и обществоведения в отдельности, однако вне связи с ними, сама по себе она не имела бы прочного основания и стимула развития. Среди управлений процессами объективного мира наиболее важно в современных условиях управление развитием общества. «Научное управление обществом является областью, где взаимодействие естественных и общественных наук становится важным условием решения практических проблем»³.

Стык как мера разъединения и объединения отраслей науки не всегда выражает полярную противоположность только двух объектов. С развертыванием современной научно-технической революции все чаще возникают сложные стыки. Решение вопросов, возникающих в результате образования этих стыков, требует создания более общих принципов и теорий. Так возникает общая теория систем.

Общая теория систем рассматривает стык науки как сложный процесс, выражающий перекрещивание большого количества различных отраслей науки. Поэтому она служит одним из формально-логических средств для интеграции науки. Взаимосвязь систем различного типа, класса и уровня нуждается в стирании самоизоляции дифференцированных наук. Одно из требований общей теории систем — отсутствие противоречия по отношению к принципам инвариантности и соответствия. Конечная цель ее — выработка общего научного языка. Существует много вариантов построения общей теории систем. Наилучший из них — тот, который разрешает вопрос о рациональном и оптимальном, стало быть, диалектическом, синтезе стыков компонентов системы. Наиболее эффективный вариант должен сочетать в себе единство применимости к любому компоненту системы и к компоненту как подсистеме, единство формального и содержательного аспекта системы⁴.

Однако, например, вариант общей теории системы, предложенный Л. Берталанфи, «представлял собой лишь изложение на качественном языке наиболее общих принципов, которые по своей познавательной функции имеют скорее логико-гносеологический, чем онтологический статус. Такая теория систем, будучи, несомненно, интегративной теорией, не может претендовать на роль содержательной специально научной теории, поскольку в ней не содержится сведений о специфических свойствах, сторонах системы той или иной предметной области»⁵.

Высказана также идея о необходимости создания единой системы, которая могла бы охватить, осмыслить все экспериментальные данные физики, химии, биологии и т. д., т. е. эта единая система с новыми понятиями, концепциями стала бы общим теоретическим базисом современного естествознания⁶. Общая теория системы ставит своей задачей интеграцию знаний различных отраслей науки как частных проявлений общих законов⁷.

³ Л. Б. Малахова. К вопросу о взаимодействии общественных и естественных наук в решении проблем научного управления обществом, в кн. «Научное управление обществом», вып. 8, М., 1974, стр. 199.

⁴ Ю. А. Урманцев. Опыт аксиоматического построения общей теории систем, ежегодник «Системные исследования», М., 1972.

⁵ М. Д. Ахундов, В. И. Тюхтин. Интегративные науки и системные исследования, в кн. «Синтез современного научного знания», М., 1973, стр. 242.

⁶ И. А. Раллопорт. Микрогенетика, М., 1965.

⁷ С. Хакени. Применение теории интегративных уровней к построению общественных схем классификации, реферативный журнал «Общественные науки за рубежом», 1973, № 3.

IV. Стыки между отраслями сектора науки. Это стыки: внутри естествознания — между механикой, физикой, химией, биологией; внутри технических наук — между теорией машин, гидравликой, теплотехникой и т. д.; внутри общественных наук — между историей, лингвистикой, экономикой и т. п. Каждый стык в этом аспекте — источник зарождения многочисленных наук. Например, на основе схематической карты биогеохимических провинций УзССР исследованы область геохимической экологии животных, ферментные механизмы, обуславливающие их адаптацию к экстремальным геохимическим факторам, и их генетическое различие⁸.

V. Стыки между частной, особенной и общей науками. Стыки между частной наукой и сектором науки — это, например, взаимосвязь между механикой и естествознанием в целом, механикой и техническими науками, механикой и обществоведением, стыки между частной наукой и особенной, взаимосвязь механики с математикой, механики с логикой, механики с экологией. Стыки между частной наукой и общей: механика и философия и т. п.

Диалектическое противоречие стыка науки. Само понятие «стык» предусматривает единство противоположностей. Это диалектическое противоречие проявляется в следующих конкретных формах:

а) стык как единство двух противоположных свойств (например, механика и физика: большая масса и малая скорость, малая масса и большая скорость);

б) единство противоположных тенденций (например, дифференцирование и интегрирование науки);

в) совместное рассмотрение различных объектов;

г) разъединение и объединение, ограничение и расширение, углубление и выявление, конкретизация и абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция;

д) заимствование друг у друга методов, понятийных аппаратов; комплексность методов познания;

е) стык науки в теоретическом естествознании как важный момент принципа соответствия;

ж) познание и создание: познание элементов стыкуемых наук (объектов, методов и понятийных аппаратов) и создание диалектически комплексных элементов науки;

з) взаимовлияние между наукой и производительными силами (наука непосредственно превращается в производительные силы; новые производительные силы, в свою очередь, обеспечивают благоприятные условия для создания новых отраслей науки).

Проблема дифференцирования и интегрирования науки. Дифференциация и интеграция в науке имеют длинную историю, причем интенсивность их проявления в разные периоды неодинакова. Например, в античной науке более отчетливо проявлялось интегрированное понимание явлений. В средние века от натурфилософии отпочковываются астрономия, математика, география, геодезия, фармакогнозия, минералогия и т. п. Дифференциация наук особенно ярко проявляется в новое время. Ф. Энгельс писал: «Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет»⁹.

⁸ Наука в Узбекистане, ч. I. Естественные науки, Ташкент, 1974, стр. 276.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 20.

XIX в. характеризуется в целом симметричностью развития науки: синхронно развивались как дифференциация, так и интеграция наук. Дифференциация в основном шла в области дедуктивных наук, а интеграция — в области выявления общих закономерностей естествознания (например, закона сохранения и превращения энергии) и всеобщих закономерностей развития природы, общества и мышления (диалектический и исторический материализм). Для начала первой половины XX в. была характерна асимметричность единого процесса «дифференциация — интеграция».

Революция в физике означала интенсификацию дифференциации, осуществленную самой частной наукой. Общественная же практика требовала соответствующей интеграции философского обобщения. Это явление в истории науки еще раз показывает, что дифференциация науки носит опережающий характер, а интеграция должна соответствовать характеру темпа дифференциации. Конец этого периода характеризуется симметричностью — синхронным развитием дифференциации и интеграции, в процессе которого зарождались элементы новой дифференциации. Тенденция к дифференциации науки в начале второй половины XX в. окончательно оформила основные направления современной науки: кибернетику, атомную энергетику, химию синтетических веществ, космонавтику. Зарождение этих направлений потребовало соответственного интегрирования уже на новом уровне — в объединении науки и техники, которое принято называть научно-технической революцией.

Дифференциация науки в настоящее время разворачивается столь интенсивно, что вместе с ней углубляется и противоречие роста научного знания, связанное с разнообразием методов, языков, терминологии¹⁰. Это, в свою очередь, требует синтеза, интеграции. «Исключительно важно учитывать диалектическую природу процесса синтеза знаний, которая для любой ступени развития последних не допускает исключения моментов дифференциации и превращение научных знаний в некое аморфное образование. Стало быть, важным методологическим принципом исследования интеграции научных знаний является принцип включенности дифференцирующих моментов в более общий механизм синтеза, принцип подчиненности их преобладающим интеграционным процессам»¹¹.

Представляется, что это превалирование интеграции над дифференциацией означает не опережение интеграции, а актуальную необходимость решения противоречий, возникших вследствие дифференциации. Действительно, «дифференциация, все более работая на интеграцию, в то же время продолжает бурно прогрессировать, особенно в ведущих отраслях науки, порой скрывая тем самым интеграционные процессы, хотя они нередко идут вразрез друг другу»¹². Интеграция и дифференциация невозможны друг без друга, и вместе с тем сущность каждого из этих понятий переходит в сущность другого. Данный диалектический процесс одновременно означает и дифференциацию, и интеграцию науки. Так «на каждом этапе развития науки существуют определенные закономерности, и в наше время основной особенностью является то, что новое рождается на стыке наук. Это и есть интеграция на базе специализации, которая составляет ядро современной науки»¹³.

¹⁰ К. И. Таксир. Сущность и формы соединения науки с производством, М., 1974, стр. 9.

¹¹ И. Б. Новик. Вопросы стиля мышления в естествознании, М., 1975, стр. 108—109.

¹² Д. Грибанов. Живая связь науки, Правда, 18 февраля 1976 г.

¹³ А. Б. Рубин. Проблемы изучения механизмов равновесия процессов энерго- и массообмена в природе, Вопросы философии, 1974, № 9, стр. 70.

В результате дифференцирования познаются новые частные объекты, новые специфические явления, а на основе интегрирования — более общие. Они составляют единый процесс познания. Но, как видно из истории науки, опережение одной из сторон данного единого процесса носит объективный характер. Б. М. Кедров, рассматривая взаимосвязь процессов интегрирования научного знания, отмечает, что «в своей основе современная научно-техническая революция есть глубоко синтетический процесс, и этот свой характер она сообщает самой науке, облегчая теоретический синтез всего научного знания»¹⁴.

Конечно, интеграция науки — не простое механическое суммирование или арифметическое сложение, «не объединение существующих систем в нечто единое, но своеобразное суммирование знания, достигнутого разными науками о некотором объекте, представляющем большой интерес для человека (например, в решении проблемы полета человека в космос принимает участие очень большое число наук, каждая из которых вносит свою лепту в изучение этого сложного процесса), и стремление в процессе взаимосвязи позаимствовать друг у друга и сами методы и язык, чтобы применить их для исследования своего объекта»¹⁵. Однако в данном случае, когда в процессе участвуют много разных наук, суть интеграции не в использовании методов соседних областей а в диалектическом участии различных областей знания в решении единой задачи.

Направление развития науки и техники, использование их достижений зависят от социально-экономического строя общества. Интеграция науки также испытывает на себе влияние общественных систем. Интеграция при капитализме носит глубоко противоречивый характер, поскольку цель ее — увеличение сверхприбылей монополий, наращивание военной мощи капиталистических стран. Все это в итоге оборачивается увеличением эксплуатации трудящихся.

Сама сущность капитализма чужда развитию науки во имя блага народа, и отсюда вытекает неразрешимое противоречие: «Развитие интегральных процессов в науке, носящих объективно-закономерный характер, приходит в непримиримое противоречие с экономическими законами капитализма»¹⁶.

В условиях социализма, где сама природа общественного строя действует развитию науки, интегративные процессы носят качественно иной характер. Научно-техническая революция в условиях развитого социализма ставит задачу не только интеграции самих естественнонаучных знаний, но и интеграции их с общественными науками. «Интеграция естественных и общественных наук, укрепление единства науки на основе диалектического материализма — основное условие для наиболее полного использования преимуществ развитого социалистического общества в деле применения достижений научно-технической революции»¹⁷. Влияние общественных наук на развитие общества происходит путем существенных воздействий на управление, планирование, развитие творческих возможностей личности, а также развитие естествознания.

¹⁴ Б. М. Кедров. Диалектический путь теоретического синтеза современного естественнонаучного знания, в кн. «Синтез современного научного знания», М., 1974, стр. 35.

¹⁵ П. В. Копнин. Гносеологические и логические основы науки, М., 1974, стр. 312.

¹⁶ М. Г. Чепиков. Интеграция науки, М., 1975, стр. 199.

¹⁷ Курт Хагер. НТР и политика социалистического государства в области науки, Вопросы философии, 1976, № 1, стр. 37.

Эти процессы характерны для всех стран социализма. Причем следует подчеркнуть, что создание СЭВ способствовало дальнейшей их интенсификации. СЭВ действует как фактор ускорения НТР и наглядно демонстрирует преимущества социалистического строя, позволяя использовать достижения НТР в интересах всего социалистического содружества. Уже тот факт, что в деятельности органов СЭВ вопросы взаимоотношения между человеком и природой занимают одно из важнейших мест, говорит о том, что проблемы экологии разрешаются на основе широкой интеграции как новейших научных и технических достижений, так и усилий всех стран — членов СЭВ. В 1974 г. была разработана «Общая развернутая программа сотрудничества стран—членов СЭВ и СФРЮ на период до 1980 г. в области охраны и улучшения окружающей среды и связанного с этим рационального использования природных ресурсов». «Можно с уверенностью сказать, что мировая практика не имеет примеров создания столь крупного плана международного сотрудничества, направленного на решение актуальнейшей проблемы современности»¹⁸.

Принцип интеграции по сути дела не только синтезирует отдельные научные знания. От него можно ожидать и более качественной функции. «Речь может пойти даже о замене всей классической механистической концепции—представлений о мире в целом, как о большом и сложном «часовом механизме», — некоторой новой парадигмой — общими представлениями о мире как живом организме»¹⁹. Это, конечно, задача будущего. Развитие общей теории систем с учетом общего и специфического форм материи и ее движения в перспективе может достичь принципиально новых представлений об объективном мире как о синтетической модели развития неживой и живой природы. Как указывал К. Маркс, «сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»²⁰. Такова перспектива спитетической науки.

Наука и производительные силы. До сих пор мы говорили о стыках в самой науке. Вместе с тем существуют стыки между нею и другими формами человеческой деятельности, например, между наукой и искусством, наукой и моралью и т. д. В условиях современной научно-технической революции весьма актуальное значение имеет вопрос о стыке между наукой и производительными силами. Наука превращается в непосредственную производительную силу. Ее достижения облегчают не только физический, но и интеллектуальный труд человека, освобождают его от многих утомительных операций. «Сократить путь от сложных математических уравнений до получения конкретных результатов, ускорить выполнение простейших операций и освободить человека от утомительной работы помогает вычислительная машина»²¹.

Если, например, идея Аполлония о конических сечениях была применена лишь спустя 19 веков в работах Кеплера, то с развертыванием современной научно-технической революции путь от науки к практике постоянно сокращается. Достижения кибернетики помогают решению

¹⁸ СЭВ: развитие научно-технического сотрудничества. Охрана и улучшение окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в кн. «Наука сегодня», вып. 3, М., 1975, стр. 48.

¹⁹ И. А. Акчурун. Единство естественнонаучного знания, М., 1974, стр. 4.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 596.

²¹ Вычислительная техника в инженерных и экономических расчетах, М., 1975, стр. 3.

сложных задач с максимальной автоматизацией трудоемких процессов и отраслей народного хозяйства, умножая возможности творческого и рационального использования специалистов. С помощью ЭВМ сравнительно легче и быстрее решаются противоречия не только между динамическими системами, но и внутри их, например, диспропорции внутри отдельного предприятия, отрасли народного хозяйства.

Превращение науки в непосредственную производительную силу означает также создание объединенного метода решения задач разнообразных отраслей знания и производства. Так, кибернетические исследования, проводимые в Узбекистане, охватывают вопросы управления, планирования и прогнозирования в области химической и горной промышленности, медицины и сельского хозяйства, железнодорожного и автомобильного транспорта, и т. п.

Все это способствует созданию новых производительных сил, новых важнейших результатов на стыке науки с практикой, наглядно демонстрируя растущую эффективность научной мысли. Как подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем»²².

О. Ф. Файзуллаев, Д. К. Набиева

ФАНЛАРНИНГ БИРЛАШИШ ХАРАКТЕРИГА ДОИР

Мазкур мақола автори фанларнинг бирлашиш характерини анализ қилади, уларга хос диалектик қарама-қаршиликни таъкидлайди, фанларни дифференциялаш ва интеграциялаш масалаларини кўриб чиқади.

---

²² Материалы XXV съезда КПСС, стр. 73.

*К 70-летию со дня рождения А. Н. Кононова***АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ**

27 октября 1976 г. исполняется 70 лет со дня рождения виднейшего советского тюрколога и историка науки Андрея Николаевича Кононова.

А. Н. Кононов родился в Петербурге в семье служащего завода «Арсенал». Учился в петроградской XI гимназии — 159-й единой трудовой школе (1916—1924). В 1924—1926 гг. работал слесарем на заводе «Красный выборжец».

В 1926 г. поступил на турецкое отделение Ленинградского восточного института (б. Институт восточных языков), которое окончил в 1930 г. В том же Институте с 1931 г. началась его деятельность как преподавателя турецкого языка, продолжавшаяся до 1938 г.

С 1937 г. до наших дней Андрей Николаевич — преподаватель, затем доцент, профессор Ленинградского государственного университета, заведующий кафедрой тюркской филологии. В 1953—1954 гг. — декан восточного факультета ЛГУ.

С 1938 г. А. Н. Кононов работает в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В 1960—1963 гг. был заместителем заведующего и заведующим этого Отделения, а затем по настоящее время — старшим научным сотрудником ИВ АН СССР и председателем Ученого Совета Отделения. А. Н. Кононов — член различных академических групп и комиссий.

В 1939 г. Андрей Николаевич защитил кандидатскую («Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов»), а в 1948 г. — докторскую диссертацию («Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. Перевод, историко-филологический комментарий, грамматический очерк»).

В 1944 г. А. Н. Кононов вступил в ряды КПСС.

В 1950 г. А. Н. Кононову присуждено звание профессора, в 1959 г.

избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1974 г.—академиком АН СССР.

Круг научно-тюркологических интересов А. Н. Кононова весьма широк. Уделяя основное внимание изучению грамматического строя современных тюркских языков, он вместе с тем занимается исследованием проблемы развития отдельных форм и слов, изучением и изданием выдающихся памятников письменности народов Востока и т. д. Деятельность А. Н. Кононова в сфере тюркской филологии тесно сочетается с плодотворными изысканиями в сфере истории отечественного востоковедения, прежде всего тюркологии.

А. Н. Кононову присущи энциклопедические знания специальной литературы, глубокое понимание фактического материала, а также большой педагогический опыт, накопленный за долгие годы преподавания тюркских языков в высших учебных заведениях. Тщательно и скрупулезно фиксирует Андрей Николаевич разносторонние факты языка, придавая особое значение полноте и доброкачественности анализируемого материала. Его грамматики турецкого и узбекского языков снабжены обширными историко-лингвистическими комментариями, способствующими уяснению общих тенденций грамматического развития тюркских языков.

Тесно связанный с наукой в Узбекистане и других республиках Советского Востока А. Н. Кононов постоянно оказывает ученым Средней Азии большую и действенную помощь. Ученые Средней Азии особенно ценят такие работы А. Н. Кононова, как «Грамматика узбекского языка» (1948), «Опыт анализа термина *турк*» (1949), «Послелого в современном узбекском литературном языке» (1951), «Грамматика современного узбекского литературного языка» (1960) и др. Крупная заслуга А. Н. Кононова — подготовка и выпуск в свет сводного текста дидактического произведения Алишера Навои «Возлюбленный сердце» (1948), широко комментированного сводного текста оригинала и научного перевода на русский язык «Родословной туркмен Абу-л-Гази, хана хивинского» (1958), вышедшей под редакцией С. Е. Малова, публикация под его редакцией «Мухаббат-наме» Хорезми (1961), «Дивана» Алишера Навои (1964), издание совместно с В. И. Жирмунским огузского героического эпоса — «Книги моего деда Коркута» (в переводе В. В. Бартольда) и др.

Историографические публикации А. Н. Кононова также содержат обильный материал к познанию развития тюркологических (и востоковедных в широком смысле) исследований по Средней Азии, в том числе Узбекистану.

В годы Великой Отечественной войны А. Н. Кононов в составе группы ученых-востоковедов Ленинграда принимал активное участие в научно-общественной жизни Ташкента. В 1943—1945 гг. он был доцентом филологического факультета ТашГУ.

Среди многочисленных учеников и последователей А. Н. Кононова — ряд научных работников-тюркологов Средней Азии. Свыше двадцати его питомцев получили ученые степени и звания.

Велики заслуги А. Н. Кононова как организатора и руководителя научных изысканий, главы крупных коллективных работ, редактора многочисленных книг и сборников, изданий памятников тюркской письменности и т. п.

Наука многим обязана А. Н. Кононову и как заместителю председателя редакционной коллегии первого (девятитомного) собрания сочинений выдающегося русского и советского востоковеда В. В. Бартольда.

А. Н. Кононов — участник XXIII и XXV международных конгрес-

сов востоковедов (на XXV конгрессе — руководитель секции алтаистики), VIII и XI лингвистических конгрессов в Анкаре (Турция) и многих других научных форумов.

В 1957 г. А. Н. Кононов был избран почетным членом Турецкого лингвистического общества, в 1970 г. — научного общества востоковедов Венгрии, в 1973 г. — Академии наук Венгерской Народной Республики.

А. Н. Кононов — член редакционных коллегий журналов «Народы Азии и Африки» (Москва), «Советская тюркология» (Баку).

Партия и правительство высоко оценили заслуги А. Н. Кононова. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета», медалями «За оборону Ленинграда» и «250-летие Ленинграда».

Свой юбилей Андрей Николаевич, встречает в расцвете творческих сил; как всегда, он полон научных замыслов и, как всегда, к нему тянутся за компетентными консультациями и ценными советами ученые разных поколений.

Горячо поздравляя Андрея Николаевича Кононова, мы желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых творческих свершений на благо отечественного востоковедения.

А. С. Садыков, М. К. Нурмухамедов, Г. А. Абдурахманов, Ф. Абдуллаев, М. Б. Баратов, П. Г. Булгаков, И. И. Искандеров, С. К. Камалов, Г. К. Каримов, У. И. Каримов, М. К. Кошчанов, Б. В. Лунин, М. Г. Пикулин, Х. С. Сулейманов, И. А. Султанов, А. Урунбаев, Э. И. Фазылов, Ш. Ш. Шаабдурахманов, Ш. Шукуров, К. Яшен и другие.

Э. И. ФАЗЫЛОВ, Л. Г. ЧИЧУЛИНА

КОНОНОВ-ТЮРКОЛОГ

Научные интересы Андрея Николаевича Кононова — одного из виднейших советских востоковедов — весьма многогранны. Это фонетика и морфология, синтаксис и текстология, лексикография и лексикология, фольклористика и литература, сравнительная грамматика и руника, уйгурика и чагатаистика и т. д. В лице одного ученого, таким образом, соединились тюрколог, арабист, иранист, славист.

Созданная В. В. Радловым, А. Н. Самойловичем, С. Е. Маловым, Н. К. Дмитриевым, А. Н. Кононовым Ленинградская школа тюркологов занимает ведущее место в Советском Союзе и пользуется заслуженным международным признанием. Широкие и глубокие знания фактического материала, ряда восточных и западных языков, исключительная работоспособность и редкое трудолюбие позволили А. Н. Кононову создать фундаментальные труды как в области филологического анализа памятников старины, так и по лингвистическому изучению живых тюркских языков, особенно турецкого и узбекского. Таким образом, Андрей Николаевич является представителем как филологического направления в отечественной тюркологии (в радловском его понимании), так и лингвистического. Он сочетает в себе фундаментальные знания и понимание древних и старотюркских текстов с умением проводить блестящий лингвистический анализ тюркских языков и их памятников.

Андрей Николаевич Кононов — один из родоначальников советской грамматической школы тюркологов. Среди его многочисленных трудов особое место занимают грамматика турецкого и узбекского языков, оказавшие огромное влияние на развитие тюркологии не только в нашей стране, но и за рубежом¹.

Одним из первых серьезных исследований А. Н. Кононова было изучение грамматических учений турецких авторов и истории их становления. Его кандидатская диссертация называлась «Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов». Изучение системы турецкой грамматики позволило, с одной стороны, понять саму систему, а с другой, — трактовку ее турецкими учеными. Вот уже полвека Андрей Николаевич проникает в тайны этой системы, раскрывая все новые, доселе не известные ее грани. Его первая публикация была посвящена именно грамматике турецкого языка («Грамматика современного турецкого языка», Л., 1934, в соавторстве с Хикметом Джевдет-заде).

¹ Talât Tekin, Türk Dilî Arastımları Yıllığı. Belleten, Ankara, 1959, s. 331—378; N. Horáicová, Nový Orient, N 9, Praha, 1960, p. 215—216; L. Bazin, Bulletin de la linguistique de Paris, t. 53, N 2, Paris, 1958, p. 272—273.

Издание этого учебника имело огромное значение, так как существовавшие ранее грамматики турецкого языка после принятия в Турции нового алфавита не могли уже использоваться как учебники. Впоследствии эта грамматика была переработана автором и вновь издана с учетом новейшей литературы того времени («Грамматика турецкого языка», М.—Л., 1941).

В этой публикации были учтены работы 38 ученых. Для анализа фактического материала А. Н. Кононов привлек произведения более 40 писателей, а также материалы устного народного творчества, периодической печати, своды законов и т. д. В этом труде отразились особенности грамматического метода А. Н. Кононова — привлечение исторических материалов к трактовке грамматических явлений. Здесь дано полное описание строя турецкого языка и сформулированы взгляды автора на основные вопросы турецкой грамматики.

На основе этой книги была создана капитальная монография — «Грамматика современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956), которая принесла ученому мировую славу. В процессе работы над ней были привлечены исследования 140 авторов, в том числе 50 иностранных, проанализированы художественные произведения 50 писателей, материалы фольклора и прессы.

Фонетика, морфология, синтаксис современного турецкого языка остаются объектом неизменного интереса в творческой деятельности А. Н. Кононова².

Андрею Николаевичу принадлежит и заслуга первого полного описания грамматического строя узбекского языка. Его «Грамматика узбекского языка» (Ташкент, 1948) была создана на материалах художественных произведений ведущих узбекских советских писателей, ряда переводных произведений, а также прессы и фольклора (более 40 источников). В работе использованы труды около 30 лингвистов, причем большая часть их имеет опосредованное отношение к современному узбекскому языку. Это объясняется тем, что до 50-х годов специальных работ по этому языку было мало, но то, что имелось, учтено автором, за исключением трудов Е. Д. Поливанова.

«Грамматика узбекского языка» послужила основой для фундаментального труда — «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.—Л., 1960), — дающего всестороннее обобщающее освещение грамматического строя данного языка. При этом проанализировано более 60 произведений узбекских советских писателей, переводной литературы, периодической печати. Для более полного и глубокого уяснения значений форм и их состава, а также грамматических явлений автор использует сравнительный материал не только из живых узбекских говоров и диалектов, но и из других тюркских языков и прибегает к историческим экскурсам. В этой книге всесторонне разработана фонетическая система узбекского языка; детально исследована морфологическая структура; обстоятельно описан синтаксис; огромная работа проделана

² А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на «мыш». Ученые записки ЛГУ, 1938, № 20, стр. 34—49; Турецкое дееспричастие *diye*, Рабочая хроника ИВ АН СССР, вып. II, Ташкент, 1944, стр. 25—27; Формирование турецкого национального языка, Тезисы докладов по секции востоковедческих наук научной сессии ЛГУ, 1950, стр. 5—9; О союзном слове *diye* в турецком языке, Сборник Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию, М., 1953, стр. 137—144. О прономинализации в турецком языке, Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция алтанстики, М.—Л., 1954, стр. 7—23; О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке, Краткие сообщения ИВ АН СССР, т. XXII, 1956, стр. 84—85; О прономинализации в турецком языке, Вопросы грамматики и истории восточных языков, М.—Л., 1958, стр. 169—188, и др.

в области лексики, в том числе по истории узбекской лексики, развитию словарного состава узбекского языка и т. д.; поставлены основные задачи в области узбекского языкознания; приведена богатая библиография. В этом капитальном труде проанализированы работы более 200 отечественных и около 50 иностранных ученых.

Если в «Грамматике узбекского языка» 1948 г. указано 11 авторов, в работах которых исследуется этот язык, то в «Грамматике современного узбекского литературного языка» 1960 г. — около 70. Это наглядно свидетельствует о небывалом росте, начиная с 50-х годов, узбекведения в республике, расширении исследований узбекского языка в тюркологических центрах Москвы и Ленинграда, а также за границей.

В последующие годы Андрей Николаевич с присущей ему тщательностью продолжает дальнейшее углубленное изучение структуры узбекского языка. Им подготовлен труд, по объему вдвое превышающий «Грамматику современного узбекского литературного языка», издание которого станет выдающимся событием в узбекской филологии.

Организирующая и направляющая роль грамматик, составленных А. Н. Кононовым, очевидна. В них проявились разносторонность его научной деятельности, верность передовым традициям русского востоковедения, энциклопедическое знание тюркологической литературы. Отличительными чертами этих грамматик являются: всесторонний учет опыта предшественников; исторический подход к интерпретации грамматических явлений; пристальное внимание к языковым процессам; систематизация и обобщение новых фактических материалов; четкая дифференциация частей речи и их характерных особенностей; системное описание всех грамматических категорий и явлений, их взаимообусловленность, взаимозависимость; интерпретация отдельных грамматических категорий и показателей на широком тюркологическом фоне и в связи с основной проблематикой тюркского языкознания в целом; всесторонняя регистрация значений форм и показ перспективы их исторического развития; полный и всесторонний анализ этимологичных словообразовательных, словоизменительных и формообразовательных показателей; детальная разработка синтаксиса простого и сложного предложений, развернутых членов предложения и т. д.³

Многочисленные издания по грамматике узбекского и других тюркских языков во многом следуют схеме и классификации частей речи, предложенным в грамматиках А. Н. Кононова.

Творческая активность Андрея Николаевича поистине безгранична. Так, при подготовке сводного критического текста сочинения Абу-л-Гази «Шаджара-и таракимя» («Родословная туркмен») им было использовано 7 рукописей, сотни специальных работ по истории, филологии, почти все словари, переводы и т. д.

Выдающимся трудом по тюркологии явилась докторская диссертация А. Н. Кононова, посвященная исследованию сочинения Абу-л-Гази. Издание этого важного источника по истории тюркских народов, замечательного памятника узбекской литературы и языка «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского», М.—Л., 1958) стало новым этапом в исследовании и публикации письменных памятников.

Внимание исследователя всегда привлекало творчество Алишера Навои. Яркое свидетельство тому — издание наиболее сложного и труд-

³ А. П. Векилов. Андрей Николаевич Кононов, в кн. «Исследования по филологии стран Азии и Африки», Л., 1966, стр. 5—18; С. Н. Иванов. Андрей Николаевич Кононов, Тюркология, М., 1976, стр. 3—12.

ного произведения великого поэта «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердец», М.—Л., 1948). Для подготовки этой публикации А. Н. Кононов использовал все доступные ему списки и прежние издания данного сочинения.

Как этимолог Андрей Николаевич также занимает видное место в тюркологии. Для его публикаций характерны многочисленные этимологические тюркских аффиксов и слов. Им создана стройная теория происхождения тюркских словообразующих и словоизменяющих моделей⁴.

Андрей Николаевич создал также фундаментальные труды по истории отечественной тюркологии и востоковедения. Один из основоположников историографии отечественной тюркологии, он вот уже полвека занимается историей тюркологических центров России⁵.

Начиная с 30-х годов А. Н. Кононов внимательно следит за работами зарубежных тюркологов, постоянно откликается на них рецензиями, публикует обзоры о деятельности тюркологических центров разных стран мира. Его рецензии на труды и статьи о научной деятельности Ю. Немета, В. Банг-Каупе, Дж. Клосона, Ж. Дени, Л. Базена, Г. Гьяльбова, Г. Хазаи, Ж. Кокук и других тюркологов свидетельствуют о тщательной, планомерной подготовке сводного труда по истории изучения тюркских языков и работе тюркологических центров за рубежом.

Все публикации Андрея Николаевича, большие и малые, служат образцами великолепной техники обработки и подачи материала.

При участии А. Н. Кононова и под его руководством переизданы многие труды выдающихся советских востоковедов: В. В. Радлова, В. В. Бартольда, П. М. Мелпоянцанского, В. А. Гордлевского, С. Е. Малова, С. С. Майзея, А. П. Поцелуевского, Л. Л. Будагова, В. М. Жирмунского и многих других.

Андрей Николаевич активно участвует в работе по систематизации и описанию собраний восточных рукописей АН СССР и АН УзССР.

Общезвестны заслуги А. Н. Кононова в исследовании и публикации трудов восточных филологов и их популяризации в науке. По его инициативе созывались конференции, посвященные Махмуду Кашгарскому, Юсуфу Баласагуному; материалы этих конференций опубликованы и переведены на некоторые иностранные языки. В настоящее время им подготовлена большая вступительная статья к «Дивану» Махмуда Кашгарского.

Много сил и энергии отдает Андрей Николаевич редактированию и изданию как письменных памятников, так и монографических исследований по грамматике. Как соавтор или редактор он принимал активное участие в создании многих учебных пособий и хрестоматий.

Колоссальная эрудиция, необыкновенный темп работы, продуктивность, чувство долга, непоколебимое служение идеям советской науки, постоянная устремленность к новым горизонтам в науке вдохновляют ученого на создание новых фундаментальных трудов: «Грамматика древнетюркских памятников», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Сравнительная лексикология тюркских языков», «Морфология

⁴ А. Н. Кононов, Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд, Л., 1969; О фузии в тюркских языках, в кн. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 108—120; О генезисе тюркских аффиксальных морфем, Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов, М., 1974, стр. 38—40; Актуальные тюркологические заметки, Советская тюркология, Баку, 1975, № 2, стр. 77—86, и др.

⁵ А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Двоктябрьский период, М., 1972; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Двоктябрьский период, М., 1974.

турецкого языка в сравнительно-историческом освещении», которые в скором времени увидят свет.

Андрей Николаевич постоянно делится с коллегами своими многочисленными идеями — прекрасное свойство и потребность этой богатой натуры. Ему всегда мало собственного творчества, он заботится о судьбе всей советской тюркологии⁶.

В создании журнала «Советская тюркология» и в организации Комитета советских тюркологов А. Н. Кононов проявил талант организатора, верность гражданина, убежденность коммуниста. Именно ему журнал «Советская тюркология» обязан тем, что объединил узкотюркологические проблемы с общими проблемами советского языкознания и стал не только органом пропаганды, но и организации тюркологической науки в СССР.

Советский патриот, подлинный интернационалист, А. Н. Кононов — инициатор ежегодных всесоюзных конференций тюркологов в Ленинграде, превратившихся в форум многонациональной советской науки. Ежегодник «Тюркология» также издается по его инициативе. Содержание и форма ежегодника, его теоретическое направление несут на себе печать личности его создателя и руководителя.

Андрей Николаевич — сам многогранно талантливый — постоянно стремится к открытию новых научных талантов, всегда готов оказать необходимую помощь и поддержку своим ученикам и коллегам. Это — на редкость добрый, чуткий человек, умеющий уважать личное своеобразие каждого, понимать, чувствовать заботы, интересы, влечения других людей. Его отличают неизменная скромность и вместе с тем необычайная требовательность. Вот характерный пример. Изучению «Родословной туркмен» А. Н. Кононов посвятил более полувека и по сей день трудится над ней⁷. Продолжая дело таких выдающихся ученых, как В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс, И. А. Орбели, Н. К. Дмитриев, он накопил богатый опыт исследования и публикации памятников. Однако во введении к «Родословной туркмен» он писал: «Не считая себя достаточно подготовленным для комментирования такого сложного исторического текста, каким является «Родословная туркмен», я, тем не менее, не могу вовсе отказаться от пояснения отдельных мест текста. Мои примечания носят преимущественно справочный характер»⁸.

Вся многогранная, исключительно плодотворная деятельность Андрея Николаевича Коконова — образец творческого горения в науке, высокой требовательности, глубокого понимания личной, гражданской ответственности ученого, его неиссякаемого интереса к любимому делу, которому он посвятил свою жизнь. И этому примеру призваны подражать молодые поколения наших ученых, тем более в нынешней пятилетке, которая должна стать пятилеткой эффективности и качества и для деятелей советской науки

⁶ См., напр.: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968.

⁷ А. Н. Кононов. История приобретения переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная турок», Советская тюркология, Баку, 1971, № 2, стр. 102—107.

⁸ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 31.

Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, А. А. АБДУАЗИЗОВ

К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРИИ И МЕТОДА ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В процессе изучения тюркских и иных языков используются, как известно, различные теории и методы, принципы и процедуры фонологического анализа.

До настоящего времени, однако, вопрос о том, какие фонологические теории применяются в исследованиях тюркских языков, не был предметом специального обсуждения. Очевидно, принципиально важными считались сами результаты исследования — их эффективность, предлагаемые новшества в изучаемой сфере и т. п. Но ведь эти результаты достигаются на основе применения той или иной фонологической теории. Поэтому данному вопросу следует уделить должное внимание.

Анализ показывает, что в исследованиях тюркских языков использовались все известные фонологические теории, в том числе: психолингвистическая теория фонологии И. А. Бодуэна де Куртене; физическая теория фонологии Л. В. Щербы, а впоследствии две разновидности, представляемые Московской и Ленинградской фонологическими школами (МФШ и ЛФШ); реляционно-физическая теория фонологии, или теория Пражской фонологической школы (Н. С. Трубецкой); теория дистрибутивной фонологии (США); теория порождающей фонологии (США); теория Лондонской фонологической школы.

Зачастую одно и то же явление рассматривается на основе различных фонологических теорий и, следовательно, разных методов, а результаты исследования порою совпадают.

Одним из основоположников современной тюркологии был В. В. Радлов. Лично знакомый с создателем фонологической теории И. А. Бодуэном де Куртене и трудами его ученика Н. В. Крушевского, он близко стоял к психологической теории фонологии и развивал ее применительно к тюркским языкам. Хотя В. В. Радлов не пользовался термином «фонема» (употребляя вместо него понятие «Lautcomplex»), он разграничивал альтернации (дивергенция и корреляция) и изменения звуков в зависимости от различных условий: комбинаторные, позиционные, ударные и безударные¹ и т. д.

«Фонологические» взгляды В. В. Радлова были восприняты его учениками. Так, С. Е. Малов в работе о каракалпакском языке (1930), не пользуясь термином «фонема», пишет о звуках и «разных их видах», в зависимости от их положения в структуре слова, приводит чередование звуков, обращая внимание на их смысловоразличительные и несмысловоразличительные функции и т. д.²

¹ См. подробнее: Э. Р. Тенишев. В. В. Радлов — фонетист и грамматист. Тюркологический сборник 1971, М., 1972, стр. 32—41.

² См.: С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке, Нукус, 1966, стр. 12—31.

Обращает на себя внимание данная С. Е. Маловым фонетическая классификация гласных и согласных каракалпакского языка, несколько совпадающая с современной классификацией. Название одной из глав этого труда («Фонетика и этимология») само по себе говорит о рассмотрении этимологии звуков на основе различных чередований и их сравнении с этимологически совпадающими звуками других тюркских языков, что было характерно и для работ В. В. Радлова. Однако С. Е. Малов ни разу не упоминает о «психологизации звука» или «звукопредставлении», а более всего подчеркивает связь морфологической альтернции с семантикой слова, что особенно важно в диахронических исследованиях. Метод С. Е. Малова можно считать фонетическим, но с элементами фонологии, что отмечается в его «технике анализа» звуковых чередований.

С 20-х годов XX в. под влиянием теоретических взглядов Л. В. Щербы начинают применяться подлинно новые термины, понятия и методы фонетико-фонологического анализа. По свидетельству Э. В. Севортяна, «труды Н. К. Дмитриева положили начало внедрению и распространению в тюркологии понятия фонемы... При состоянии же тюркского языкознания в 20-е годы введение понятия фонемы было шагом новаторским и вместе с тем крайне необходимым, так как в ходе работы в области языкового строительства, в первую очередь в процессе создания латинизированных алфавитов тюркских и других языков, окончательно выяснилась ненадежность, можно сказать, непригодность традиционной в тюркологии артикуляторно-акустической интерпретации звуков речи»³.

Н. К. Дмитриев наряду с введением в тюркологию понятия фонемы использовал термины и понятия «вариант фонемы», «(фонетические) варианты аффиксов», «нёбо-губное притяжение» в отношении сингармонизма, «роль ударения как фактора морфологической дифференциации», когда речь идет о фонологической функции ударения, и т. д.

Методы фонетико-фонологического анализа, использованные Н. К. Дмитриевым, служат примером применения физической теории фонологии в исследованиях тюркских языков. В его трудах можно найти много интересного о фонематическом толковании различных явлений этих языков. Тщательно исследуя лингвистическое наследие Н. К. Дмитриева, В. Д. Аракин подчеркивает, что он различал два типа долготы в тюркских языках: «...первичную фонематическую, то есть имеющую смыслоразличительное значение, как, например, якутск. хаас «гусь», якутск. хас «сколько», и вторичную, возникающую вследствие определенных фонетических преобразований»⁴. Знакомство с работой Н. К. Дмитриева «Турецкий язык» (М., 1960), написанной им в тот период, когда уже окончательно сложились его теоретические взгляды, показывает, что при определении фонемы он опирается на реализацию ее в составе слога и смыслоразличительную (фонологическую) функцию фонемы, иллюстрируя это на примере квазиомонимов. Впрочем, данный термин Л. В. Щербы Н. К. Дмитриев не употребляет, а просто сравнивает произношения слов. Например, отмечает разницу между произношением слов dev (def) «див» и deva (deva) «лекарство», в которых узкое [e] и широкое [ɛ] считаются двумя вариантами фонемы [e]. Кроме того, здесь же противопоставляются фонемы [i—v] с последующим наличием и отсутствием фонемы [a] в турецком языке⁵. Далее, Н. К. Дми-

³ Э. В. Севортян. Лингвистическое наследие Н. К. Дмитриева и современная советская тюркология, в кн. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 11—12.

⁴ В. Д. Аракин. Н. К. Дмитриев (Замечательные ученые Московского университета), М., 1972, стр. 20.

⁵ Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960, стр. 15.

триев пишет о фонологических противопоставлениях в системе турецкого вокализма в более подлинном смысле: «С фонологической стороны турецкий вокализм характеризуется противопоставлением гласного ряда: [a], [ɨ], /o/, /u/ гласному ряду: /e/, /i/, /ö/, /ü/. Первая группа условно называется гласными заднего ряда, вторая — гласными переднего ряда. Наряду с этим условным обозначением в турецких грамматиках употребляется своего рода «профессиональная» терминология: ненёбный и нёбный ряды, основанная на логическом принципе дихотомического деления»⁶. Н. К. Дмитриев отмечает также противопоставление турецких гласных по признакам «огубленный-неогубленный», «широкий — узкий» (последнее в подобном виде впервые предложено В. В. Радловым).

Можно полагать, что выдвинутая Н. К. Дмитриевым фонологическая классификация, основанная на логическом принципе дихотомического деления, была воспринята Р. Якобсоном и его соавторами, причем они лишь заменили противопоставление гласных по артикуляционным признакам акустическими или смешанными терминами: низкая тональность — высокая тональность, компактность — диффузность, простая тональность — бемольная тональность⁷. Указанная «тройная классификация» турецких гласных (т. е. классификация их по трем признакам — ряду, подъему и огубленности) рассматривалась Н. К. Дмитриевым отнюдь не как кабинетная схема: она «...имеет целью предложить формулировку специфического явления гармонии гласных»⁸.

Процедура установления вариантов фонем Н. К. Дмитриевым опирается на позиционные и комбинаторные условия их реализации. В известной мере он считается с фактами морфологического порядка, а также структурой слога и природой ударения. Для него «звуковая стабилизация корня (т. е. корневой морфемы. — Авт.) в турецком языке весьма относительная...», и при этом могут возникать неслоговые звуки типа /u/ между аффиксом и корнем⁹ и другие явления. В этих и иных высказываниях Н. К. Дмитриева наблюдаются идеи, близкие к современной теории МФШ, а также зачатки рассмотрения звукового облика морфем в морфофонологическом плане.

Предложенное Н. К. Дмитриевым толкование фонетических вариантов тюркских аффиксов (по звуковому виду) вызвало возражения Л. И. Жиркова и А. А. Реформатского. Вместе с тем оно «оказалось первым камнем для дальнейшей разработки данной темы»¹⁰.

Что касается явления сингармонизма, то у Н. К. Дмитриева оно остается за фонемами, точнее, на сегментном уровне, ибо это связано с различными звуковыми вариантами аффиксов. Дальнейшая разработка данной проблемы характеризуется А. А. Реформатским: «Сингармонизм действует на все слова в целом; это суперсегментная «сила», «накладка» и не на отдельные сегменты, а на целое»¹¹.

⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 15.

⁷ См.: Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле. Введение в анализ речи, Новое в лингвистике, вып. II, М., 1962, стр. 211—212.

⁸ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 16.

⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰ А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк, Хрестоматия, М., 1970, стр. 30.

¹¹ А. А. Реформатский. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики, Тюркологические исследования. Сборник, посвященный 80-летию академика К. К. Юдахина, Фрунзе, 1970, стр. 104. См. подобный подход к сингармонизму в работах: В. А. Виноградов. Сингармонизм и фонология слова. Автореферат канд. дисс., М., 1966; В. К. Журавлев. Развитие группового сингармонизма в праславянском, Минск, 1963; В. А. Виноградов. Типология сингармонических тенденций в языках Африки и Евразии, в кн. «Проблемы африканского языкознания», М., 1972, стр.

Тем не менее существует мнение о сингармонизме, как о фонологическом и морфонологическом явлении, главным образом сегментного порядка, лишь косвенно связанном с суперсегментным уровнем языка¹². Такая трактовка сингармонизма с использованием нескольких теоретически близких методов считается более распространенной, берущей свое начало с работ В. В. Радлова, В. А. Богородицкого и Н. К. Дмитриева. Почти без изменений она была воспринята в работе Н. С. Трубецкого в терминах реляционно-физической теории фонологии.

Что касается точки зрения А. А. Реформатского и его последователей, то несколько аналогичные ей взгляды высказывают представители Лондонской фонологической школы. Так, Дж. Лайонз считает признаки гласных фонем (передний — задний и огубленный — неогубленный) просодическими в сингармонических словах и морфемах¹³.

В последние годы в некоторых работах по теории порождающей фонологии сингармонизм (а также умлаут) рассматриваются как один из типов процесса ассимиляции гласных в разных сегментах¹⁴, что по существу повторяет приведенные выше мысли Н. К. Дмитриева. Аналогичную точку зрения можно встретить и в работах, выполненных на основе теории дистрибутивной фонологии и предлагающих «абстрактное решение» данного вопроса¹⁵.

Несмотря на многочисленные толкования, основанные на различных теориях и методах фонологического анализа, сингармонизм остается как «проблема общей лингвистики и фонологии» (А. А. Реформатский), связанная с особенностями строя языков, структурой слова и морфемы, а также взаимодействием и взаимовлиянием сегментного и суперсегментного уровней языка. Сингармонизм, выйдя из рамок агглютинативного строя языков (какими считаются тюркские), стал рассматриваться в языках самого различного строя. При этом методы фонетико-фонологического толкования тюркского сингармонизма плодотворно применяются для исследования его в других языках.

Одним из первых к этому вопросу обратился В. А. Богородицкий, который считал сингармонизм общей типологической особенностью ряда неродственных языков. В его трудах можно заметить сравнительно-исторический и типологический методы в освещении фонетико-фонологических проблем тюркских языков. По свидетельству Ф. М. Березина, изучавшего его архив, В. А. Богородицкий писал: «В своих работах я пользуюсь условным термином «фонема» для означения восстанавливаемых звуков праязыка в отличие от конкретных звуков живых языков»¹⁶. Следует отметить, что В. А. Богородицкий вместе с его учениками впервые применил экспериментально-фонетические методы исследования к тюркским языкам. Для него характерно рассмотрение фонемы в составе слова или морфемы, под ударением и в безударной позиции, в корне и аффиксе и т. д. Однако его фонетико-фонологический метод в

125—164; А. А. Абдуазизов. К вопросу об акцентологической интерпретации умлаута и сингармонизма (*Постановка типологического анализа*), *Иностранные языки в вузах Узбекистана*, вып. III, Ташкент, 1970, стр. 50—60.

¹² См.: М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1965.

¹³ См.: John Lyons. Phonemic and non-phonemic phonology: some typological reflections, *International Journal of American Linguistics*, vol. 28, 1962, p. 127—134.

¹⁴ См.: Sanford A. Shane. *Generative phonology*, New Jersey, 1973, p. 49—52.

¹⁵ См.: M. R. Vago. Abstract vowel harmony system in Uralic and Altaic Languages, *Language*, vol. 49, N 3, 1973, p. 579—605.

¹⁶ Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX вв.), М., 1968, стр. 207.

целом оказывается ближе к идеям его учителя И. А. Бодуэна де Куртене, чем к теории Л. В. Щербы.

Другой ученик И. А. Бодуэна де Куртене, выдающийся лингвист Е. Д. Поливанов внес большой вклад в развитие фонологической теории применительно к многим языкам, в том числе к тюркским языкам и диалектам. Хотя он пользовался психологической терминологией своего учителя И. А. Бодуэна де Куртене, называя фонему «звукореальностью», а фонологию — «психофонетикой», однако это лишь «внешняя сторона» дела. В сущности «психологические формулировки совершенно несущественны для теоретического содержания этих работ»¹⁷.

Е. Д. Поливанов, пожалуй, одним из первых обращает внимание на фонологический аспект звуков наряду с их физиологическим, акустическим и перцептивным аспектами, а также указывает на фонологическую функцию ударения и интонации. «Фонемы и тому подобные элементарные фонологические представления (например, акцентуационные представления, поскольку они в данном языке так же способны дифференцировать слова, как представления гласных и согласных), — писал Е. Д. Поливанов, — настолько тесно ассоциируются у представителя каждого данного языка с его апперцепционной деятельностью, что он склонен бывает производить привычный для него анализ на свои элементарные фонологические представления (фонемы и т. п.)...»¹⁸ Здесь же изложены его мысли о закономерностях фонологической интерференции при восприятии звуков иностранного языка представителями родного языка (узбеки, корейцы и т. д.).

Н. С. Трубецкой при фонологической интерпретации фонетических данных тюркских языков ссылается в первую очередь на работы Е. Д. Поливанова, которые до сих пор сохраняют свою ценность. Так, проведенную Е. Д. Поливановым фонологическую классификацию узбекских гласных на основе ташкентского диалекта¹⁹ Н. С. Трубецкой называет «двухклассной, четырехугольной системой», где гласная пара с максимальной степенью раствора состоит из лабиализованной гласной заднего ряда и нелабиализованной гласной переднего ряда, крайне редко встречающейся в языках. В таких системах вычленишь отдельные тембровые признаки невозможно: гласные фонемы представляются двумя тембровыми классами (максимально высоким и максимально низким), которые образуют логически эквивалентную оппозицию²⁰.

Невозможно перечислить здесь все мысли Е. Д. Поливанова относительно методики фонологического анализа. Но надо подчеркнуть своеобразный подход его к вопросам фонологии тюркских языков. При исследовании тюркских языков им были применены теория дивергенции и конвергенции, фонетической экономии, фонотактики (о возможных сочетаниях звуков в начале, середине и конце слов), диахронической фонологии и т. д. Характерно также четкое выделение Е. Д. Поливановым единиц просодического уровня: 1) силлабема — для языков с силлабическим строем; 2) тонама — для языков с музыкальной акцентуацией — тоновым строем; 3) акцентема — для языков с динамиче-

¹⁷ В. В. Иванов. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, Вопросы языкознания, 1957, № 3, стр. 56.

¹⁸ Е. Д. Поливанов. Субъективный характер восприятий звуков языка, в кн.: Е. Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию, М., 1968, стр. 236.

¹⁹ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 14.

²⁰ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, М., 1960, стр. 111—112.

ским ударением, что характерно для тюркских, а также русского языка²¹.

Значительный интерес представляет также предложенный Е. Д. Поливановым сопоставительный метод фонологических систем узбекского и русского языков, причем он отмечает тонкие различия в произношении и восприятии звуков не только в литературном произношении, но и в узбекских диалектах²². Фонологические методы и процедуры Е. Д. Поливанова находят свое применение и поддержку и в последующие годы²³.

В этом кратком обзоре нельзя не отметить статью А. М. Сухотина и К. К. Юдахина «О сокращении некоторых букв в ряде тюркских алфавитов». Впервые опубликованная в сборнике «Письменность и революция»²⁴, она была написана с ранних позиций представителей МФС. Авторы предлагали заменить некоторые буквы в алфавитах тюркских языков или сократить их на основе применения фонематического принципа. В статье мы находим понятия «фонема», «варианты фонем», но нет еще вариаций и ряда других понятий, позднее предложенных представителями МФС.

Своим новаторством в исследовании фонетико-фонологических проблем тюркских языков выделяется Н. А. Баскаков, высказавший оригинальные идеи в этом направлении. Анализ его работ показывает, что его взгляды ближе подходят к теории МФС, чем ЛФС. Это наблюдается не только в терминах и понятиях, но и в самом методе исследователя. Фонологическая интерпретация фактов и явлений тюркских языков в трудах Н. А. Баскакова ведется с учетом взаимосвязи материальной и функциональной сторон звукового строя. Он одним из первых исследовал звуковую строй каракалпакского языка с подлинно фонологических позиций, и это было началом фонологических изысканий в тюркологии вообще.

Н. А. Баскаков дал следующее определение фонемы: это — «изменяющаяся в процессе развития языка единица звуковой речи, органически входящая в систему взаимно противоположаемых и соположаемых фонем данного языка, представляющих совокупность звуковых оттенков или вариантов, реализующихся в виде нескольких, физически различных, но не имеющих смысловозначительного значения звуков»²⁵. Исходя из этого определения, система фонем каракалпакского языка рассматривается исследователем в трех планах: 1) в историческом плане их становления и развития; 2) в аспекте взаимного противопоставления фонем по основным признакам их дифференциации и интеграции; 3) изучение вытекающих из противопоставлений фонетических закономерностей.

Н. А. Баскаков вначале подробно описывает артикуляционно-акустические свойства звуков каракалпакского языка сравнительно с другими тюркскими языками, затем устанавливает систему фонологических противопоставлений, на основе которой строится фонологическая клас-

²¹ Е. Д. Поливанов. Музыкальное слогуударение, или «тоны» дунганского языка, Вопросы орфографии дунганского языка, Фрунзе, 1937, стр. 31—42.

²² См.: Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, Ташкент, 1933; его же. Опыт частной методики преподавания русского языка, ч. I, 3-е изд., Ташкент, 1968.

²³ См. «Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е. Д. Поливанова», т. I, Самарканд, 1964.

²⁴ Письменность и революция, I, М.—Л., 1933, стр. 138—141.

²⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, М., 1952, стр. 24—25.

сификация. В дальнейшем даются реализация фонем в различных позициях слов, их сочетаемость, а также комбинаторные и позиционные соотношения фонем в некоторых тюркских языках и диалектах, перечень звуковой структуры корня слова и слога.

В последующих работах Н. А. Баскаков уточняет, дополняет и развивает свои мысли и предлагает совершенно новые понятия и методы при фонологическом анализе. Рассматривая систему противопоставления и дифференциальных признаков фонем в тюркских языках, он отмечает: «...Если фонологическое строение целого слова обусловлено дифференциацией признака задней или передней артикуляции, то фонологическое строение корневой морфемы (первого слога), кроме того, обусловлено дифференциальным признаком лабиальности»²⁶. Характерно определение им понятия «гиперфонемы» — новое по сравнению с тем, которое дается в теории МФШ. Так, он писал: «...Если дифференциацию фонем по подъему мы будем рассматривать только как дополнительное свойство согласных фонем, мы приходим к выводу о наличии в тюркских языках только одной гласной гиперфонемы, несущей одну только функцию признака слога»²⁷.

Устанавливая строгую симметрию в противопоставлениях фонем по основным артикуляционным свойствам звуков, их реализующих, Н. А. Баскаков признает наличие только одной гиперфонемы, реализующейся в виде восьми основных типов гласных фонем.

Терминологическое и внешнее сходство понятия гиперфонемы Н. А. Баскакова с таковой в МФШ заключается лишь в том, что обе они реализуются в различных фонемах, занимающих одинаковую позицию в слове или морфеме. Гиперфонема в понимании Н. А. Баскакова отличается своим внутренним содержанием: а) она несет только функцию слогораздела, что отсутствует у МФШ; б) она характерна для всей системы вокализма тюркских языков, реализуемой в виде 8 основных позиционных типов гласных фонем, тогда как у МФШ гиперфонема характерна только для серии фонем, т. е. части системы; в) по Баскакову, она реализуется только в позиции корневой морфемы, т. е. в первом слоге тюркского слова, а у МФШ — в различных позициях, например, в слабой и сильной позиции после твердых согласных (гласные русского языка), в конце слов (согласные); г) гиперфонема МФШ, в отличие от архифонемы (Н. С. Трубецкой), может ограничиться одной фонемой. По Н. А. Баскакову же, гиперфонема обязательно включает все гласные фонемы и этим отличается от гиперфонемы МФШ и архифонемы Пражской школы. Еще одно преимущество гиперфонемы Н. А. Баскакова заключается в том, что она дает возможность экономной классификации гласных фонем тюркских языков с опорой на состав корневой морфемы. Что касается состава гласных аффиксальных морфем, то в нем имеются свои особенности²⁸.

Среди исследований по фонологии тюркских языков заслуживают внимания капитальный труд А. М. Щербак²⁹ и ряд его статей³⁰, а также

²⁶ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, М., 1968, стр. 125.

²⁷ Там же.

²⁸ Н. А. Баскаков. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика), Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки, М., 1966, стр. 21.

²⁹ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970.

³⁰ А. М. Щербак. О тюркском вокализме, Тюркологические исследования, М.—Л., 1963, стр. 24—40; е го же. О тюркском консонантизме, Вопросы языкознания, 1964, № 5, стр. 16—35; е го же. Тюркские гласные в количественном отношении, Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова, М., 1966, стр. 146—164, и др.

работы Г. П. Мельникова³¹, применившего объемно-геометрические модели. Для А. М. Щербака характерен поиск новых решений проблем фонологии тюркских языков. Через синхронные срезы он находит путь к реконструкции фонологической системы тюркского праязыка. Поскольку о работах А. М. Щербака неоднократно писалось, мы подчеркнем лишь, что в них подробно освещены типология фонологических противопоставлений, их реализация, структура слога и звуковой состав слов, а также вопросы соотношения звуковых и просодических явлений. Автор в основном опирается на фонологическую теорию Н. С. Трубецкого и частично—на дихотомическую теорию фонологии, фиксируя в них много общего, а в отдельных случаях уточняя целесообразность применения указанных теорий и методов в тюркских языках.

В последующие годы наблюдаются быстрый рост количества и качества исследований, выполненных с позиций МФШ и ЛФШ, а также попытки синтеза этих концепций, именуемого А. А. Реформатским «фонологическим плюрализмом». Видимо, пока единственной работой, выполненной на основе особой теории фонологии С. И. Бернштейна, остается исследование Ф. А. Қазимова³².

Большинство работ по тюркским языкам написано на основе физической теории фонологии Л. В. Щербы, развиваемой его учениками, представителями ЛФШ. Сюда можно отнести исследование А. Қ. Боровкова, А. Н. Кононова, В. В. Решетова, А. И. Киссена по узбекскому языку, Т. К. Ахматова — по киргизскому, Т. Талипова — по сравнению гласных уйгурского и казахского языков, А. Джунисебекова — по казахскому, У. Ш. Байчура — по татарскому и другим языкам³³. С позиций взглядов МФШ были выполнены работы А. А. Ахундова, В. М. Бельдяна, А. И. Васильева³⁴ и других. Иной фонологический подход наблюдается в исследовании Ж. А. Аралбаева по вокализму казахского языка³⁵, где автор пытается дать артикуляционную, акустическую, фонологическую (с позиций МФШ, Н. С. Трубецкого и дихотомической теории) классификацию гласных фонем. Некоторые работы написаны на основе экспериментально-фонетического метода без всякой «фонологизации»³⁶.

³¹ Г. П. Мельников. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках, Вопросы языкознания, 1962, № 6, стр. 31—53; его же. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии, в кн. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 121—137; его же. Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков, в кн. «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 325—349; его же. Причины нарушения симметрии в системе гласных киргизского языка, Советская тюркология, 1970, № 1, и т. д.

³² Ф. А. Қазимов. Азербайджанские гласные в сравнении с английскими. Канд. дисс., М., 1951.

³³ См.: А. К. Боровков. Краткий очерк грамматики узбекского языка, в кн. «Узбекско-русский словарь», М., 1959; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960; В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959; А. И. Киссен. Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка, Ташкент, 1952; Т. К. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка, ч. I—II, Фрунзе, 1968; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков, Алма-Ата, 1968; А. Джунисебеков. Гласные казахского языка, Алма-Ата, 1972; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. Автореферат докт. дисс., М., 1962.

³⁴ См.: А. А. Ахундов. Система фонем современного азербайджанского языка. Автореферат докт. дисс., М., 1964; В. М. Бельдян. Опыт сопоставления гласных русского и узбекского языков, Вестник МГУ. Филология, 1966, № 4; А. И. Васильев. Сопоставительная фонетика русского и киргизского языков, Фрунзе, 1968; его же. Лингвистические основы обучения русскому произношению в киргизской школе, ч. I, Фрунзе, 1974.

³⁵ Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка, Алма-Ата, 1970.

³⁶ Сюда можно отнести исследование А. Махмудова «Гласные узбекского языка» (Ташкент, 1968) и др.

Появились также публикации по экспериментально-фонетическому исследованию тюркских диалектов³⁷.

В целях глубокого выявления соотношения артикуляционного, акустического аспектов с перцептивным в последние годы начал применяться метод речевой аудиометрии в изучении тюркских языков³⁸. Работы такого рода осуществляются содружеством фонетистов, акустиков и врачей.

Многие исследования по тюркским языкам, написанные с позиций ЛФШ, доказывают ценность и плодотворность предложенного Л. Р. Зиндером³⁹ метода, а также принципов и процедур фонетико-фонологического анализа как с теоретической, так и с экспериментальной стороны. Сам Л. Р. Зиндер убедительно показал «рабочую силу» теории Л. В. Щербы применительно к тюркским языкам. Он же высказал ряд ценных мыслей о фонологическом статусе некоторых звуков, монофонемности и бифонемности, долготы и краткости, сингармонизме и функциональной значимости просодических средств в тюркских языках⁴⁰. Мимо этих идей не проходит ни одна работа по тюркским языкам, написанная после 50-х годов.

Что касается теории МФШ, то она так же успешно применяется в исследованиях тюркских языков. Из этой теории заимствуются методы различения позиций, фонологических противопоставлений, установление соотношения между слоговой и морфологической структурами. В последние годы в исследованиях тюркских языков заимствуется и теория морфонологии, уточненная и дополненная представителями МФШ под новым углом зрения.

Значительное количество работ посвящено сопоставительному исследованию звукового состава, ударения и интонации тюркских и индоевропейских языков на основе экспериментально-фонетических данных, которые представляют не только теоретический, но и практический интерес при обучении произношению русского, английского, немецкого, французского языков⁴¹. Однако в некоторых из этих исследований больше внимания уделяется чисто фонетической (артикуляционному, акустическому, перцептивному аспектам) стороне вопроса; отсутствует подробная фонологическая интерпретация изучаемых явлений, в част-

³⁷ С. Атамйраева. Экспериментально-фонетическое исследование намаганского говора узбекского языка, Ташкент, 1974, и др.

³⁸ См.: М. Атамуратов. Речевая аудиометрия на туркменском языке. Автореферат канд. дисс., Ашхабад, 1966; С. А. Атамйраева, С. А. Агзамов. Акустико-артикуляционный анализ узбекской речи применительно к речевой аудиометрии, Ташкент, 1972.

³⁹ См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960.

⁴⁰ См.: Л. Р. Зиндер. Указ. соч.; его же. Фонология и фонетика, в кн. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 193—231, и др.

⁴¹ См.: А. А. Исенгельдина. Спектрально-рентгенологическое исследование сонорных согласных казахского и английского языков, Алма-Ата, 1960; авторефераты канд. дисс.: Т. И. Идаятзаде. Сопоставительный анализ согласных фонем английского и азербайджанского языков, Баку, 1963; В. М. Шарцман. Экспериментально-фонетическое исследование гласных французского языка сравнительно с гласными казахского языка, М., 1975; А. А. Абдуазизов. Сопоставительный анализ гласных фонем английского и узбекского языков, М., 1967; А. Г. Максумов. Артикуляционные, акустические, перцептивные и фонологические характеристики английских носовых сонантов (в сопоставлении с узбекскими), М., 1972; С. М. Бабаев. Особенности интонации простых повествовательных предложений с деепричастными оборотами в азербайджанском языке (в сравнении с английским), Баку, 1965; Г. Ш. Мухитдинова. Сопоставительный анализ интонации английского и узбекского общего вопроса, М., 1971; М. К. Исаев. К вопросу о фонетической структуре слова в казахском и английском языках, Баку, 1965; А. А. Одекоев. Сравнение гласных туркменского и английского языков, Баку, 1965, и др.

ности, меньше говорится о различительной, делимитативной и опознавательной функциях звуков, особенно ударения и интонации.

В отдельных работах мы не видим подлинной лингвистической интерпретации звуковых систем и фонетических явлений языков. В них приводятся артикуляционные или акустические характеристики, но об их функциональной значимости говорится очень мало либо вообще опускается этот важнейший аспект. Порой такие публикации носят «шаблонный» характер: единообразно описываются факты и явления различных языков. Такой подход наблюдается особенно в работах, написанных после 50-х годов. Кроме того, в последние годы мало стали писать о функциональной стороне ударения в интонации в тюркских языках. Среди исследований на эту тему следует отметить работы А. Орусбаева⁴², У. Ш. Байчуры⁴³ и некоторые другие.

Как справедливо отмечают Л. Р. Зиндер и Л. В. Бондарко, будучи проекцией языковых отношений на поведение говорящего, «языковое чутье» может быть использовано как критерий для оценки истинности построенных исследователя-фонетиста (фонолога)⁴⁴. Именно это «языковое чутье» дает возможность наиболее глубокого исследования фонетико-фонологических особенностей тюркских языков. От этого выигрывают не только фонетика и фонология, но и общая лингвистика, ее неотъемлемая часть — тюркология и смежные междисциплинарные области, как психолингвистика, паралингвистика, а также другие науки, связанные с изучением звуковой коммуникации.

Ш. Ш. Шаабдурахманов, А. А. Абдуазизов

ТУРКИЙ ТИЛЛАРГА ДОИР ТАДҚИҚОТЛАРДА ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИК АНАЛИЗ НАЗАРИЯСИ ВА МЕТОДИ МАСАЛАСИ

Мақолада туркий тилларни ўрганишда қўлланган фонетико-фонологик назариялар ва методлар таҳлил этилади.

⁴² А. Орусбаев. Киргизская акцентуация. Фрунзе, 1974.

⁴³ У. Ш. Байчура. Некоторые экспериментальные данные о методике речи и словесном ударении в уйгурском языке, Структура и история тюркских языков, М., 1971, стр. 42—61, и др.

⁴⁴ Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер. Исследование фонетики, в кн. «Основы теории речевой деятельности», М., 1974, стр. 158.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА ТРУДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

В последнее десятилетие в СССР проведены глубокие теоретико-методологические исследования различных проблем, связанных с межотраслевым балансом. Однако вопросы методологии составления и применения его в плане выявления межотраслевых пропорций с получением численности рабочих по профессиям в чистых отраслях не нашли еще освещения в нашей экономической литературе.

При исследовании данной проблемы возникает необходимость построения межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе, что требует решения многих сложных методологических вопросов. В частности, необходимы расчеты, связанные с получением нужной информации о фактических величинах объема производства в разрезе чистых отраслей.

Несмотря на обширность имеющегося статистического материала (форма № 8 «Отчет промышленного предприятия о выполнении плана по продукции» и форма С-О о валовой продукции), проблема получения данных о валовой продукции в чистых отраслях весьма сложна, ибо эти данные требуют всестороннего анализа для взаимосвязки хозяйственных и чистых отраслей по производимой продукции. В этой связи был проведен анализ статистических материалов по промышленности применительно к построению межотраслевого баланса труда по профессиям. С этой целью используется определенный алгоритм, один из шагов которого — составление таблицы показателей производства валовой (товарной) продукции хозяйственными и чистыми отраслями. При построении ее использовалась методика, разработанная в НИИ ЦСУ СССР¹ и дающая возможность строить таблицы взаимосвязи между хозяйственными (ведомственными) и чистыми отраслями промышленности.

Информационной базой для построения этой таблицы служат данные годовых отчетов предприятий и производств (форма № 8 и форма С-О). Необходим также классификатор хозяйственных и чистых отраслей.

Составление перечня отраслей предполагает правильное понимание термина «отрасль народного хозяйства».

В самом общем смысле слова под отраслью народного хозяйства понимается «совокупность предприятий, производящих однородную продукцию, или совокупность учреждений, организаций, связанных с выполнением определенных общественных функций»². Однако такой принцип классификации неприемлем для межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе и может привести к искажению действительной картины межотраслевых связей, так как часть продукции предприятий может относиться к другим отраслям и производствам.

Для правильного построения и выявления межотраслевых связей в межотраслевом балансе труда в профессиональном разрезе под отраслью следует понимать совокупность однородных производств. Поскольку хозяйственная отрасль представляет собой группировку предприятий, то ее продукция состоит из продукции не только отраслевого, но и неотраслевого профиля. Продукцией отраслевого профиля называют такие изделия и услуги, которые послужили основой для отнесения предприятия к данной отрасли и составляют наибольший удельный вес в продукции ее предприятий. Чистая отрасль выпускает лишь одну группу продуктов (т. е. только отраслевого профиля). Классификационной единицей чистой отрасли служат группы продуктов, а не предприятия.

Такой подход к классификации отраслей при построении межотраслевого баланса труда позволяет перейти от показателей, рассчитанных по «чистым» отраслям, к

¹ Системный анализ межотраслевых связей. НИИ ЦСУ СССР. Сборник трудов, М., 1971 (ротапринт. изд.).

² Классификация отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности СССР, М., 1971.

показателям хозяйственных отраслей, т. е. отражает необходимую межотраслевую взаимосвязь, что и отвечает главному назначению метода межотраслевого баланса — исследованию межотраслевых связей.

От того, насколько рационально и научно обосновано разработана классификация отраслей, зависит возможность правильного построения межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе, ибо один и тот же статистический материал в различных классификациях может по-разному характеризовать специфику изучаемых процессов.

При разработке классификации межотраслевого баланса необходимо руководствоваться следующими основными принципами:

1) отрасли народного хозяйства классифицируются в зависимости от характера выполняемых ими производственных функций;

2) отрасли промышленности классифицируются в соответствии с перечнем ее отраслей для разработки отчетов по промышленности;

3) классификация межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе должна соответствовать принципам организации системы статистической информации;

4) в классификации межотраслевого баланса важнейшие отрасли народного хозяйства следует обосновать, а второстепенные — объединять в комплексные позиции. Указанные принципы обеспечивают удобство разработки показателей межотраслевого баланса и их взаимосвязь с другими статистическими таблицами.

Разработка классификации отраслей при построении межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе начинается с ее определения для отраслей промышленности. Эти отрасли мы находим из перечня отраслей промышленности для разработки отчетов по промышленности, в соответствии с которыми проводится учет численности рабочих по профессиям. Прежде всего надо установить количество «чистых» отраслей, входящих в состав хозяйственных отраслей. Их классификацию мы составляем на основании бланка — «Перечень отраслей промышленности, выделяемых в межотраслевом балансе, и предприятий, относящихся к ним».

Окончательная отраслевая классификация межотраслевого баланса должна содержать такое количество позиций, при котором его таблица будет вполне обозримой и одновременно достаточно детально представляющей различные отрасли, от чего зависит эффективность экономического анализа. Чрезмерное сокращение числа позиций влечет за собой укрупнение показателей балансовой таблицы, при котором ее аналитические возможности будут весьма ограничены.

В соответствии с перечнем хозяйственных и чистых отраслей, для составления таблицы показатели производства валовой продукции берутся из годовых отчетов предприятий по группам производимой продукции и в фактически действующих оптовых ценах предприятий либо в неизменных ценах.

Построенная таким образом таблица представляет собой прямоугольную матрицу, состоящую из элементов P_{kj} . Этот элемент выражает производство хозяйственной отрасли K продукта чистой отрасли j .

В подлежащем таблицы (по строкам) показана продукция хозяйственных, а в сказуемом (в колонках) — чистых отраслей. Например, для K -й строки показатели производства хозяйственной отрасли обозначаются $P_{k1}, P_{k2}, P_{k3}, \dots, P_{kn}$, а для j -й колонки — соответственно $P_{1j}, P_{2j}, P_{3j}, \dots, P_{mj}$, — где индексы $(1, 2, 3, \dots, n)$ и $(1, 2, 3, \dots, m)$ выражают количество производимых продуктов, соответственно хозяйственными и чистыми отраслями.

Элемент P_{kj} таблицы получается на пересечении K -й строки и j -й колонки. Суммирование их дает объем всей продукции K -й хозяйственной либо j -й чистой отрасли. В математическом выражении это можно представить в следующем виде: по строкам:

$$P_{k1} + P_{k2} + P_{k3} + \dots + P_{kj} + \dots + P_{kn} = \sum_{j=1}^n P_{kj}; \quad (1)$$

по колонкам:

$$P_{1j} + P_{2j} + P_{3j} + \dots + P_{kj} + \dots + P_{mj} = \sum_{k=1}^m P_{kj}. \quad (2)$$

Решение этих неравенств значительно упрощается в условиях АСГС с применением ЭВМ.

Соотношения объемов продукции хозяйственных и чистых отраслей могут быть использованы при расчетах, связанных с систематической характеристикой межотраслевых связей.

Применительно к построению межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе данная таблица позволяет по отношению указанных объемов продуктов выявить хозяйственную отрасль с наибольшей долей профильной продукции, т. е.

$$\max \frac{P_{kj}}{P_k}$$

где P_k — показатель производства продукции в K -й хозяйственной отрасли, получаемый из балансового равенства (1).

Показатель $\max \frac{P_{kj}}{P_k}$, полученный для всех хозяйственных отраслей, является одним из шагов алгоритма построения межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе. В конечном итоге мы получаем возможность рассчитать профессионально-отраслевые показатели по чистым отраслям, что необходимо для анализа и планирования межотраслевых пропорций и народного хозяйства в целом.

Л. С. Масленникова

УГОЛОВНОПРАВОВАЯ ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛЕСНЫХ ФОНДОВ

Советское государство придает огромное значение охране лесных фондов страны. Наряду с административноправовой, земельноправовой и гражданскоправовой ответственностью за нарушение права землепользования лесхозов действующим законодательством установлена уголовная ответственность виновных частных и должностных лиц за ущерб, нанесенный лесным фондам.

Вместе с тем, как справедливо отмечает проф. П. Н. Некипелов, до последнего времени уголовноправовая регламентация ответственности за посягательства на природное богатства в большинстве союзных республик оставалась несовершенной¹.

Только с 1970 г. в Узбекской ССР (позднее, чем в других республиках) была установлена уголовная ответственность за незаконную порубку леса.

Отсутствие в уголовном праве УзССР до 1970 г. норм об ответственности за незаконную порубку леса вызвало обоснованную критику ученых-юристов. Так, доп. Т. Л. Сергеева писала в 1963 г.: «Нормы об ответственности за незаконную порубку леса имеются в уголовных кодексах всех союзных республик, за исключением УК Узбекской ССР, что можно рассматривать как пробел в уголовном законодательстве этой республики»².

Указом Президиума Верховного Совета УзССР от 29 января 1970 г. данный пробел был восполнен: в Уголовный кодекс республики внесена в качестве дополнения ст. 182¹ — «Незаконная порубка леса», включающая несколько составов этого преступления³.

Предусмотрено, что уголовно наказуема незаконная порубка деревьев в защитных, почвозащитных, берегозащитных лесах, в государственных заповедниках, лесопарках, лесах зеленой зоны вокруг городов и промышленных предприятий и иных лесах. Как видим, уголовноправовой охране подлежит весь лесной фонд республики. Однако первый случай незаконной порубки влечет уголовную ответственность лишь при условии причинения крупного ущерба. Наказание за это лесонарушение, являющееся одновременно уголовным правонарушением, — лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года, или штраф (как вид уголовного наказания) в размере до 300 руб.

Не совсем точно мнение Л. А. Заславской, что УК УзССР «связывает наступление уголовной ответственности за незаконную порубку леса не с размером ущерба, а с условием, что эти действия совершены после применения мер административного воздействия»⁴.

Из смысла ст. 182¹ УК УзССР вытекает, что уголовная ответственность наступает и в том случае, если ранее к виновному мер административного воздействия не применяли (он не был изобличен либо вообще не совершал порубок), но порубкой при-

¹ П. П. Некипелов. Совершенствование законодательства об уголовной ответственности за посягательства на природные богатства, Ученые записки ВНИИСЗ, вып. 26, М., 1972, стр. 164.

² Т. Л. Сергеева. Охрана природы по советскому уголовному законодательству, в сб. «Правовые вопросы охраны природы в СССР», М., 1963, стр. 190.

³ Ведомости Верховного Совета УзССР, 1970, № 4.

⁴ Л. А. Заславская. Законодательство о колхозных лесах, М., 1974, стр. 126.

чинен крупный ущерб. Если же согласиться с Л. А. Заславской, порубка, совершенная впервые, но причинившая, например, ущерб на несколько тысяч рублей, по ст. 182¹ УК УзССР не наказуема (в отличие от Уголовного кодекса РСФСР). Ни закону, ни задачам борьбы с лесонарушениями такой вывод не соответствует.

Аналогичная ответственность установлена за незаконную порубку, совершаемую в виде промысла.

При отсутствии этих квалифицирующих признаков (промысел, крупный ущерб) за незаконную порубку леса либо может быть привлечено к ответственности по ст. 182¹ Уголовного кодекса УзССР лишь в том случае, если ранее к нему уже применялись меры административного воздействия (ч. 1 ст. 182¹).

В этой связи при составлении акта о лесонарушении необходимо не только заполнить п. 7 акта (приложение № 2 к Инструкции о порядке привлечения к ответственности за лесонарушение в лесах СССР) — «в который раз совершено лесонарушение» (во второй, пятый и т. д.), но и представить соответствующие сведения и материалы о мерах, принятых ранее к лесонарушителю.

Из текста ч. 1 ст. 182¹ УК УзССР вытекает, что направлять в органы милиции заявление о привлечении лесонарушителя к уголовной ответственности можно лишь в том случае, если ранее он уже привлекался к административной ответственности за аналогичные действия, а не за любое иное нарушение законодательства об охране лесов, некавалифицированный состав порубки влечет за собой исправительные работы на срок до одного года или штраф до 100 руб.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 апреля 1972 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» (п. 9) разъяснил, что, исходя из сроков погашения административного взыскания, уголовная ответственность за нарушения правил охраны природы в случаях, когда законом предусмотрено предварительное привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние, наступает при условии, что не истек годичный срок после применения мер административного воздействия, если иное не предусмотрено законом союзной республики⁵.

Вопрос о размере причиненного ущерба в каждом случае решается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Каких-либо исчерпывающих критериев или точных сумм, физических объемов законодательством не предусмотрено. Следует принимать во внимание и количество срубленных деревьев, и объем срубленной древесины в кубометрах, и размер причиненного ущерба в денежном выражении, и группу леса, и ценность породы.

Так, суды РСФСР под крупным понимают ущерб, значительно превышающий 300 руб.⁶ (скажем, на сумму 500 руб. и выше). Работники лесной охраны, милиции и суда при решении вопроса о том, совершена ли порубка в виде промысла, должны руководствоваться следующими указаниями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР: необходимо установить не только факт продажи незаконно срубленного леса, но и что порубки: а) производились неоднократно и б) служили для лесонарушителя если не главным занятием, то хотя бы побочным, но приносящим ему систематический доход⁷.

С субъективной стороны незаконная порубка леса характеризуется умыслом лесонарушителя, который сознает (прямой умысел) либо допускает (косвенный или эвентуальный умысел), что его действия носят незаконный характер, но, несмотря на это, совершает их. Для квалификации действий нарушителя по ст. 182¹ УК УзССР не имеет значения цель порубки, будь то последующий сбыт (продажа) с целью наживы, использование в личном хозяйстве (на постройку дома и т. п.) или как сырьё для производства каких-либо изделий, предназначенных на продажу, личное использование, дарение. Иными словами, цель порубки деревьев в лесах лежит за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 182¹ УК УзССР.

Иначе обстоит дело, если виновные совершают незаконную порубку, уничтожение и порчу деревьев в городах, населенных пунктах, придорожных полосах. В таких случаях их действия квалифицируются, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, мотивов совершения преступления, направленности умысла, как умышленное уничтожение или повреждение социалистического имущества (ст. 122, ч. 1 УК УзССР), либо как злостное хулиганство (ст. 204, ч. 2 УК УзССР).

Наконец, порубка в целях завладения выращенными деревьями квалифицируется как хищение государственного или общественного имущества. Такая квалификация прямо вытекает из указаний Пленума Верховного Суда СССР, содержащихся в поста-

⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973 гг., М., 1974, стр. 509.

⁶ См. «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», М., 1971, стр. 363.

⁷ Охрана природы. Сборник нормативных актов. Под ред. канд. юр. наук В. М. Блинова, М., 1971, стр. 382.

новлении № 1 от 11 апреля 1972 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» (п. 12)⁸.

Закон об охране природы в Узбекской ССР от 19 октября 1959 г. признает уголовными правонарушениями умышленную порчу, повреждение или уничтожение посевов, полевых посадок, лесонасаждений, а также плодово-ягодных и других насаждений, причинившие крупный ущерб государству или общественному хозяйству. По ст. 182 УК УзССР, такие действия наказываются вплоть до лишения свободы на срок до одного года. Санкция этой статьи позволяет суду назначать и более мягкие виды наказания.

Проблем в уголовном законодательстве Узбекской ССР следует признать отсутствие в нем нормы об ответственности за неосторожное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате небрежного обращения с огнем или источниками повышенной опасности.

Т. Л. Сергеева объясняет отсутствие такой нормы в УК УзССР тем, что на практике подобные преступления редки и могут быть квалифицированы по ст. 123 УК УзССР как неосторожное уничтожение или повреждение социалистического имущества⁹.

Это утверждение не совсем точно и в значительной мере устарело. Лесные массивы действительно являются социалистическим имуществом. Тем не менее диспозиция ст. 123 УК УзССР не охватывает все преступные лесонарушения, связанные с причинением ущерба лесхозам в результате несоблюдения Правил пожарной безопасности в лесах СССР.

Дело в том, что неосторожное уничтожение (или повреждение) леса в таких случаях наказуемо по ст. 123 УК УзССР только при условии, что оно повлекло человеческие жертвы либо иные тяжкие последствия. Если же столь тяжкие последствия не наступили, то, по смыслу закона, нет оснований для привлечения лица к уголовной ответственности и даже для возбуждения уголовного дела.

Согласиться с этим, по нашему мнению, нельзя. Напомним, что по УК РСФСР (и многих других союзных республик), наказуемо уже само неосторожное уничтожение или даже существенное повреждение лесных массивов (ст. 99 УК РСФСР), без оговорок о человеческих жертвах или иных тяжких последствиях.

Пробел в законе ведет к различной правовой оценке одинаковых действий на территории Узбекистана и других союзных республик.

Характерен следующий пример. 23 августа 1973 г. на территории Чирчикского лесхоза, в урочище «Чимган», гр-н Т. развел костер, а когда огонь стал распространяться, не приняв мер к ликвидации пожара и пытаясь бегать, но был задержан работниками лесхоза. Пожар погубил молодые лесонасаждения на площади 1 га; лесхозу был причинен ущерб на сумму 540 руб.

Виновный был привлечен к ответственности и осужден по ст. 123 УК УзССР к двум годам лишения свободы со взысканием в пользу государства 540 руб. Причиненный им ущерб был значительным, но тяжким последствием его признать нельзя. И в самом приговоре суд указал, что «благодаря своевременному вмешательству граждан был ликвидирован пожар, т. е. тяжкие последствия»¹⁰.

Действительно, тяжкие последствия, которые законодатель ставит наряду с человеческими жертвами, были предотвращены. Поэтому квалификация действий Т. по ст. 123 УК УзССР и тем более назначение ему максимального по этой статье наказания вряд ли правильны.

В пользу такого вывода говорит и практика Верховного Суда РСФСР. Так, последствия, причиненные неосторожными действиями К. и П. (ущерб на сумму 1120 руб.), не были признаны тяжкими. А ущерб на сумму 9311 руб., который был причинен пожаром, возникшим по вине В., был отнесен к тяжким последствиям¹¹.

И еще один аргумент. То, что крупный ущерб, причиненный неосторожным обращением с огнем, не является тяжким последствием в смысле ст. 123 УК УзССР, видно также из сопоставления ее со ст. 182 УК УзССР, по которой даже умышленное повреждение или уничтожение полевых посадок, лесонасаждений, причинившее крупный ущерб, наказывается гораздо мягче.

Таким образом, в диспозицию ст. 123 УК УзССР следует внести изменения по образцу ст. 99 Уголовного кодекса РСФСР. Это будет способствовать повышению эффективности уголовноправовой охраны государственных лесных фондов республики.

Р. Хайитов

⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР, М., 1974, стр. 510.

⁹ Т. Л. Сергеева. Указ. статья, стр. 197.

¹⁰ Уголовное дело № 3241, архив нарсуда Бостанлыкского района Ташкентской области за 1973 г.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 3; 1968, № 4.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН БУХАРЫ

С первых же дней победы Октября Коммунистическая партия и Советское государство выдвинули в качестве одной из важнейших задач борьбу за фактическое раскрепощение и подлинное равноправие женщин, широкое вовлечение их в строительство новой жизни.

В ноябре 1919 г. В. И. Ленин писал в статье «Советская власть и положение женщин»: «Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщин, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины»¹. Задача Советской республики, указывал В. И. Ленин, в первую очередь состояла в том, чтобы уничтожить все ограничения, унижающие женщин, лишаящие их элементарных прав.

Первыми мерами Советской власти, направленными на ликвидацию неравноправия женщин, были декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и декрет «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. Последовательно были осуществлены и мероприятия по охране материнства и младенчества, охране трудовых прав женщин и др.

Особенно трудным был процесс раскрепощения женщин восточных районов страны, в частности Бухары, где неравноправие женских масс усугублялось общей экономической, политической и культурной отсталостью — тяжелым наследием колониально-феодалного прошлого.

Женщины Бухары были абсолютно лишены всяких прав, запуганы фанатичным духовенством, опутаны сетью патриархально-феодалных пережитков.

Но несмотря на все эти трудности, местные партийные и советские органы с первых же дней установления народной Советской власти в Бухаре приступили к настойчивому и последовательному решению женского вопроса. Первый женотдел на территории Бухары появился еще в 1919 г. в Кагане (Новая Бухара) при городском комитете партии, а в начале 1921 г. был организован женотдел при ЦК Компартии Бухары. В декабре 1921 г. Второй курултай (съезд) КПБ вынес решение о создании женотделов при городских и районных комитетах партии, которое вскоре было осуществлено и имело большое значение для развертывания широкой агитационно-разъяснительной работы среди женщин коренных национальностей.

Женотделы, возглавляемые стойкими коммунистами, сыграли большую роль в работе среди местных женщин. До сих пор с теплотой и любовью вспоминают в Бухаре первых сотрудников женотделов — С. Т. Любимову, И. И. Финкельштейн, Л. И. Шумилову, А. П. Николаеву, Р. Г. Шершевскую, Е. А. Росс, Е. А. Бубок, Н. Ф. Муратову, А. И. Назарову и др. Многие из них были направлены в Среднюю Азию Центральным Комитетом РКП(б).

Первым организатором женотделов в Бухарской Народной Советской Республике стала Л. А. Отмар-Штейн², которая заведовала женотделом при ЦК Компартии Бухары. В своих воспоминаниях она отмечает, что отсутствие активисток из женщин-узбечек крайне затрудняло работу женотделов в первые годы. Но постепенно такой актив сложился, и через два с половиной года после революции их было уже около десятка. Особым авторитетом пользовались активистки-узбечки С. Кадырова, А. Назарова, Х. Латифджанова, Ш. Рахманова, Н. Мурадова и др.

Работницы женотделов изучали быт и нравы населения, разъясняли женщинам советские законы по женскому вопросу, национальную политику партии. Благодаря этой настойчивой и последовательной работе местные женщины постепенно втягивались в общественную жизнь. Немалую роль сыграли специальные женские клубы, открытые в отдельных махаллах Бухары. Они энергично осуществляли различные мероприятия политико-массового характера — отмечали Международный женский день 8 Марта, революционные праздники, проводили лекции, беседы, женские собрания, конференции и т. д.

На митинге, организованном в марте 1921 г. в Бухаре, была принята резолюция, где, в частности, говорилось: «Мы, женщины-мусульманки, впервые радостно празднуем международный праздник женщин — 8 марта. Мы за свободу женщин. Просим ЦК Компартии Бухары, чтобы повсюду организовывались школы, клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. И освободить нас от тьмы и бескультурия. Мы признательны Коммунистической партии в организации женотделов, которые являются нашими руководителями»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 287.

² В Старой Бухаре. Женщины революции. Сборник воспоминаний, М., 1950, стр. 348.

³ Бухоро ахбори, 2 апреля 1922 г.

Под руководством партийных органов женотделы открыли 4 клуба и 8 красных уголков. При клубах создавались амбулатории матери и ребенка, куда все чаще обращались женщины-узбечки. Клубами руководили активистки из местных национальностей. Часто там проходили собрания, посвященные злободневным вопросам, связанным с положением женщин. Так, за два месяца 1922 г. в четырех клубах Бухары было организовано 29 собраний с участием более тысячи узбечек, обсудивших вопросы раскрепощения женщин, организации их учебы и др.⁴ При клубах, артелях, а в отдельных случаях и в частных домах открывались кружки по изучению грамоты, которые затем превращались в школы ликбеза.

В проведении политико-массовой работы среди женщин Бухары большую помощь оказывали ЦК РКП(б), ЦК КПБ и его мусульманская секция. С начала 1921 г. из Туркестана в Бухару стали регулярно курсировать «красные поезда» с газетами, книгами, киноустановками, пропагандистской литературой и пр.

17 апреля 1921 г. Совет Назиров БНСР издал приказ, в котором говорилось: «Для работающих женщин немедленно организовать вечерние школы и курсы по ликвидации неграмотности»⁵, а IV съезд Компартии Бухары объявил работу по ликвидации безграмотности среди взрослых ударным делом партии, государства и всей общественности республики.

Все более широкое развитие получало движение женделеготок. В частности, в течение июля 1921 г. было проведено 44 собрания и совещания женщин, где были избраны 144 делегатки, которых распределили по соответствующим отделам Советов⁶.

В деятельности мусульманских секций, созданных при отделах рабочих партийных органов, большое место занимала организация женских трудовых артелей. В Бухаре в таких артелях было занято 600 человек, а в «Бухкустпромсоюзе» работало 2590 кустарей, из них более половины — женщины⁷. Число женщин в кустарной промышленности составило к концу 1921 г. 3385 человек, среди которых было 1500 мусульманок.

Активизировали свою работу женские клубы. При них действовали мастерские, готовившие работниц для промышленных предприятий, кружки ликбеза, проводились консультации по вопросам санитарии и гигиены, строительство нового быта.

В клубе Старой Бухары имелись две школы — по ликвидации неграмотности и повышенного типа. В первой обучалось до 25, во второй — до 35 человек⁸. В конце 1923 г. в Бухарской НСР действовал 21 курс ликбеза, где занималось 865 человек, а в июле 1924 г. в республике имелось уже 164 различных курса и пункта ликвидации неграмотности, где обучалось свыше 15 тыс. мужчин и женщин⁹.

Женотдел Средазбюро ЦК РКП(б) уделял большое внимание подготовке кадров для работы среди женщин и расширению штатов отделов работниц на местах. Только через мусульманскую секцию партийной школы с этой целью было подготовлено 35 женщин. В 1924 г. в женотделе ЦК Компартии Бухары работали 32 женщины. Они активно содействовали воплощению в жизнь советских законов о равноправии женщин, росту общественно-политической активности женских масс, вовлечению их в общественное производство.

Женщины коренных национальностей все шире включались в общественную жизнь, государственное строительство. Лишь в марте 1924 г. заявления с просьбой о приеме в ряды РКП(б) подали 58 женщин. По ленинскому призыву в партию вступило 36 женщин¹⁰. Среди 1063 женщин — членов партии было 190 узбечек. Они активно работали в партийных, советских и общественных организациях.

Росло участие женщин и в области советского строительства. В 1921 г. в Советы было избрано около 150 женщин, из них одну треть составляли мусульманки. Это было для того времени серьезной победой, которой предшествовала большая работа отделов работниц и дехканок по туменам и волостям.

Если в 1921—1922 гг. среди народных заседателей насчитывалась 51 женщина из коренных национальностей, то в 1922—1923 гг. их стало 276, а число делегаток в начале 1924 г. превысило 420 человек¹¹.

Большую роль в дальнейшем вовлечении женщин Бухары в хозяйственное и культурное строительство сыграло II Среднеазиатское совещание работниц среди женщин, созванное Средазбюро ЦК РКП(б) в октябре 1924 г. Совещание уделило особое внимание усилению работы среди женщин Бухары и Хорезма.

⁴ Бухоро ахбори, 2 апреля 1922 г.

⁵ Бухоро ахбори, 17 апреля 1921 г.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 894, л. 62.

⁷ Там же, д. 1759, л. 47.

⁸ Женские клубы на Востоке, М., 1927, стр. 20—24.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, д. 104, л. 13.

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 67, д. 207, л. 161.

¹¹ Там же.

Выполняя решения совещания, работницы женских клубов и домов дехканок усилили свою агитационную и культурно-просветительную работу: активизировалась деятельность кружков и школ ликбеза. Большую помощь партии в работе среди женщин оказывал растущий актив из коренного населения. Среди активисток тех лет можно назвать Абиду Саидмухамедову, Абиду Абдуллаеву, Ханифу Таиташеву, Хадичу Рахимову¹² и др.

В начале 1924 г. в бухарских кишлаках впервые появляются школы для девочек. По данным облОНО, в марте 1924 г. в Бухаре было 16 женских школ и 4 школы смешанного типа, где обучалось свыше 500 человек¹³, а союз дехкан и кооперация открыли 2 женских клуба — в Зирабаде и Нурате. За три недели женотделы провели по трем уездам 247 собраний, посвященных земельной реформе, в которых участвовало 8408 дехканок. А в период перевыборов Советов женотделы провели 79 предвыборных собраний с участием 13 826 женщин, что считалось тогда большим достижением¹⁴.

Борьба за подлинное равноправие женщин получает особенно широкий размах после образования Узбекской ССР. Огромную роль в этом сыграла организованная по инициативе Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Уз массово-политическая кампания по борьбе с феодально-байскими пережитками в отношении к женщине — «Худжум» («Наступление»).

Застрельщиками в этой борьбе выступали коммунисты и комсомолы. В первую очередь они осуществляли лозунг партии о «Худжуме» в своих семьях и в семьях ближайших родственников. Под руководством партийной организации Бухары женотделы в феврале 1926 г. провели в Старой Бухаре и ее окрестностях 238 женских собраний с охватом 11 813 женщин. Из них 4976 женщин тогда же сбросили ненавистную паранджу¹⁵, а в Кагане в день 8 Марта это сделали 700 женщин-узбечек.

Партийные и советские органы принимали меры к увеличению числа работниц на промышленных предприятиях. В августе 1928 г. женотдел Бухарского окружного КП(б) Уз вынес постановление о привлечении женщин г. Бухары на шелкоматальную фабрику им. 10-летия Октябрьской революции. Для детей работниц при фабрике были открыты ясли на 30 коек.

Процесс раскрепощения женщин Советского Востока шел в очень сложных условиях, в обстановке острой классовой борьбы. Противники женского равноправия организовывали всяческие провокации, совершали террористические акты против активисток. Только за первое полугодие 1928 г. реакционными элементами было убито 165 женщин. В начале 1928 г. реакционные элементы в кишлаке Багаутдин убили делегатку Джабарову; в центре Кагана была зверски убита вместе с мужем активная комсомолка Сафарова; 12 марта 1928 г. в Бухаре была убита снявшая паранджу Адалат Буранова и т. д.

По решению внеочередного заседания окружного женотдела от 12 марта 1928 г., в народном доме при участии трудящихся женщин Бухары был проведен открытый процесс над убийцами А. Бурановой. На следующий день у Регистана состоялась демонстрация, в которой участвовало 2000 человек. Демонстранты потребовали применения к убийцам высшей меры наказания¹⁶. Вопрос о борьбе с нарушениями директив партии по раскрепощению женщин стал предметом специального обсуждения на пленуме Бухарского обкома КП(б) Уз, наметившем срочные меры для защиты женщин-активисток от террора вражеских элементов.

Особое внимание борьбе за раскрепощение женщин уделил IV съезд Компартии Узбекистана (февраль-март 1929 г.). После съезда партийные органы и вся общественность Бухары еще энергичнее взялись за раскрепощение женщин и вовлечение их в хозяйственную, советскую и партийную работу. Непрерывно рос контингент женщин, особенно узбечек, занятых на производстве. К декабрю 1929 г. их число увеличилось до 3377. Только на Бухарской шелкоматальной фабрике им. 10-летия Октябрьской революции работало 720 человек.

Если в 1929 г. в колхозах трудилось 1040, то в 1931 г. — уже 7424 женщины. В колхозах Кермининского района организовано 14 детских яслей, а в колхозах Вабкента — 60 яслей и 40 детских садов. Такую же заботу о бытовых нуждах женщин-матерей проявляли и колхозы других районов.

Так благодаря огромной заботе Коммунистической партии и Советского государства, с братской помощью великого русского народа решалась одна из важнейших социальных задач — раскрепощение женщин Советского Востока, активное вовлечение их в хозяйственную, политическую и культурную жизнь. Женщина стала подлинной хозяйкой своей судьбы и своей страны, активным, сознательным строителем социализма и коммунизма. Об этом ярко свидетельствуют славные дела женщин Советской Бухары,

¹² Партархив Бухарского ОК КПУз, ф. 3, оп. 1, д. 180, л. 70.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-94, оп. 1, д. 242, л. 168.

¹⁴ Коммунистка, 1927, № 7.

¹⁵ Партархив Бухарского ОК КПУз, ф. 3, оп. 1, д. 231, л. 140.

¹⁶ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 58, л. 18.

среди которых немало передовиков и новаторов производства, героев труда, видных ученых, деятелей культуры, литературы и искусства.

К началу 1976 г. женщины составляли более 40% работников, занятых в народном хозяйстве Бухарской области. Только в промышленности, на транспорте и в системе связи работают свыше 18 тыс. женщин. В области успешно трудятся 4958 женщин-учителей, 3559 женщин-медиков, многие женщины заняты на ответственной партийной, советской, хозяйственной работе. Своим самоотверженным трудом они вносят достойный вклад в претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС, в строительство коммунизма.

М. Т. Нуруллаева

КАМЕННЫЕ СЕРПЫ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последнюю четверть века на территории Узбекистана археологами открыты десятки памятников эпохи бронзы, относящихся к различным хронологическим этапам.

Благодаря систематической работе Хорезмской археологической экспедиции под руководством С. П. Толстова открыт ряд культур древнего Хорезма¹. В низовьях Зарафшана выявлена культура оседлых земледельческих племен Заманбаба². Высокая культура земледелия господствовала и на юге Узбекистана³. В конце II тыс. до н. э. самобытная культура оседлых земледельцев складывается в Ферганской долине, где открытие первого памятника эпохи бронзы принадлежит М. Э. Воронцу⁴.

В 1950 г. в 2 км севернее Чуста, в 250—300 м правее дороги Чуст—Гава, было обнаружено поселение эпохи бронзы, и фактически с этого времени начинается изучение бронзового века в Ферганской долине, хотя ранее были известны отдельные бронзовые предметы из Хакских и Афлатунских кладов⁵.

В настоящее время известно уже несколько десятков памятников чустской культуры⁶, которые в основном приходятся на равнинную часть долины.

В результате раскопок Чустского поселения в 1950—1951 гг. были получены интересные материалы из керамики, металла и камня, а в 1953—1961 гг. под руководством В. И. Спришевского там осуществлялись стационарные раскопки⁷. Общая площадь поселения — 4 га. Оно несколько вытянуто в направлении северо-запад—юго-восток.

¹ С. П. Толстов. Древне-хорезмские памятники в Кара-Калпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 174—176; его же. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—68; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 47—75.

² Я. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. VIII, Ташкент, 1956, стр. 149—157; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заманбаба, СЭ, 1958, № 2, стр. 24—33; Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы, СА, 1958, № 3, стр. 49—53; А. Аскаров. Памятники эпохи бронзы в районе Махандары. Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук, кн. 4, Ташкент, 1961; его же. Поселение Заманбаба, КСИА АН СССР, 1963, № 93; его же. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореферат канд. дисс., Л., 1962.

³ А. Аскаров. Сапаллитела, Ташкент, 1973; его же. К вопросу о выделении культуры Сапалли. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР, Ташкент, 1973, стр. 21—23.

⁴ М. Э. Воронцов. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг., Труды Музея истории АН УзССР, вып. 3, Ташкент, 1954, стр. 53—56; его же. Археологическая реконструкция 1950 года по Наманганской области, Известия АН УзССР, 1951, № 5, стр. 93—95.

⁵ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, М., 1962, стр. 52—70.

⁶ Ю. А. Заднепровский. Чустская культура в Ферганской долине, в кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 193.

⁷ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы, СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76; его же. Раскопки Чустского поселения в 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. 37, Сталинабад, 1956, стр. 118—119; его же. Чустское поселение эпохи бронзы, КСИИМК, 1957, вып. 69, стр. 40—49; его же. Раскопки Чустского поселения в 1955 г., Известия АН УзССР. Серия общественных наук, 1957, № 1, стр. 65—72; его же. Чустское поселение эпохи бронзы, КСИИМК, 1958, вып. 73, стр. 86—98; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1956 г., СА, 1958, № 3, стр. 185—189; его же. Раскопки Чустского поселения в 1957 г., Известия АН УзССР, 1958, № 6, стр. 69—71; его же. Раскопки Чустского поселения, ОНУ, 1961, № 1, стр. 70—71; его же. Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963.

Наряду с Чустским поселением, хорошо изучен и другой памятник — Дальварзинтепа. Он был открыт в 1952 г. Ю. А. Заднепровским⁸, а с 1956 г. там ведутся стационарные раскопки. Этот крупный (площадь 25 га) памятник эпохи бронзы расположен на левом берегу Карадарьи, в 2 км от сел. Аим (Андижанская область).

Раскопки чустских и дальварзинских поселений дали ценные материалы для изучения хозяйства и быта населения первобытной Ферганы⁹. Оборонительные стены и мощный культурный слой (4 км) свидетельствуют о прочной оседлости жителей этих поселений.

Помимо обильных керамических изделий, там обнаружены костяные, бронзовые и каменные предметы с большим преобладанием последних. Весь комплекс их говорит в пользу земледельческо-скотоводческого хозяйства чустских племен. Древние земледельцы возделывали мягкую пшеницу, ячмень и просовидные растения с применением искусственного орошения.

Ю. А. Заднепровский выделяет пять земледельческих оазисов в Фергане эпохи поздней бронзы: долины рек Гова и Касаная, оазис Дальварзина, район Чакана и Шортепа, а также Карадарьинский оазис¹⁰. Вторым видом хозяйства у чустских племен было скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота. Прослеживается также некоторая специализация домашнего хозяйства.

Многие находки свидетельствуют о развитии металлообработки. Уникальны литые формы и остатки мастерской. Набор металлических изделий составляют ножи, долота, обломки копыя, наконечники стрел, шилья, проколки, иглы, удила, острокопечники, рыболовные крючки, кольца, серпы, кинжал, а также украшения.

Трасологическим анализом выявлены признаки холодной обработки железа, которое, очевидно, поступало с юга в качестве менового продукта. На поверхности диоритовой наковальни в форме «подушечки» обнаружены следыковки, загибания, выравнивания и других операций по обработке мелких железных предметов. Об этом свидетельствуют многочисленные точки железистой окиси, образовавшейся на местах ударов по металлу, в выбоинах наковальни, лунках, трещинах, куда западали мельчайшие частицы обрабатываемого железа¹¹.

Чустские племена достигли высокой культуры ткачества. Г. Ф. Коробкова, изучая трасологическим методом следы тканей на керамических сосудах, пришла к выводу о наличии в Фергане той эпохи ткацкого станка и высокой техники изготовления тканей из шерсти и лубяных культур¹².

Относительная хронология памятников Чустской культуры — конец II — начало I тыс. до н. э. Верхняя граница существования указанной культуры — VIII—VII вв. до н. э.¹³

К этому времени в обиход жителей древней Ферганы уже прочно вошел металл. Вместе с тем важную роль в их жизни продолжали играть изделия из камня. На поселениях Чуста, Дальварзина, Ашкалтепа и других собрана огромная коллекция каменных изделий. Это зернотерки, мотыги, отбойники, песты, ступки, грузила, лоцила, топоры, булавы, сверла, подпятники, точильные бруски, бусы и, наконец, замечательные абразивные серпы, характерные только для чустской культуры.

Более 500 экз. каменных серпов разной степени обработки и изношенности обнаружены в Дальварзинском поселении¹⁴. Большинство их изготовлено из вулканических и осадочных пород, имеющих свойства абразивного камня, что обеспечивало их самозатачиваемость. Твердость серпов по шкале Маоса приближалась к 6.

Серпы имеют изогнутую (полулунную) форму, несколько расширяющуюся к черенковому концу. Длина их достигает 8—16 см, ширина в черенке 3,5—6,0 см, противоположный конец сужается до 1 см, толщина от 5 до 10 мм; средний размер — 15×4,2×0,8 см.

⁸ Ю. А. Заднепровский. Дальварзинское селище, КСИИМК, 1957, вып. 69, стр. 50.

⁹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы; его же. Некоторые итоги изучения Дальварзинского поселения (1956—1960), ОНУ, 1962, № 1; его же. Основные этапы истории Кара-Дарьинского оазиса, КСИА, АН СССР, 1964, вып. 98; его же. Чустская культура в Ферганской долине, стр. 193—207.

¹⁰ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 75.

¹¹ С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи ранних металлов, СА, М., 1969, № 2, стр. 9—10, рис. 2.

¹² Г. Ф. Коробкова. Отпечатки тканей на керамике, МИА, т. 118, стр. 231—234, табл. XXIV—XXVI.

¹³ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 65; его же. Дальварзинское селище, стр. 56; В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г., стр. 70.

¹⁴ Ю. А. Заднепровский. Раскопки на Дальварзинском поселении, Археологические открытия 1966 года, М., 1967, стр. 309.

Характер изношенности и степень заглаженности серпов как будто свидетельствуют о наличии у многих из них рукояток. Однако прямых указаний на это нет. Более того, многие данные говорят о применении серпов без рукояток¹⁵. Они очень

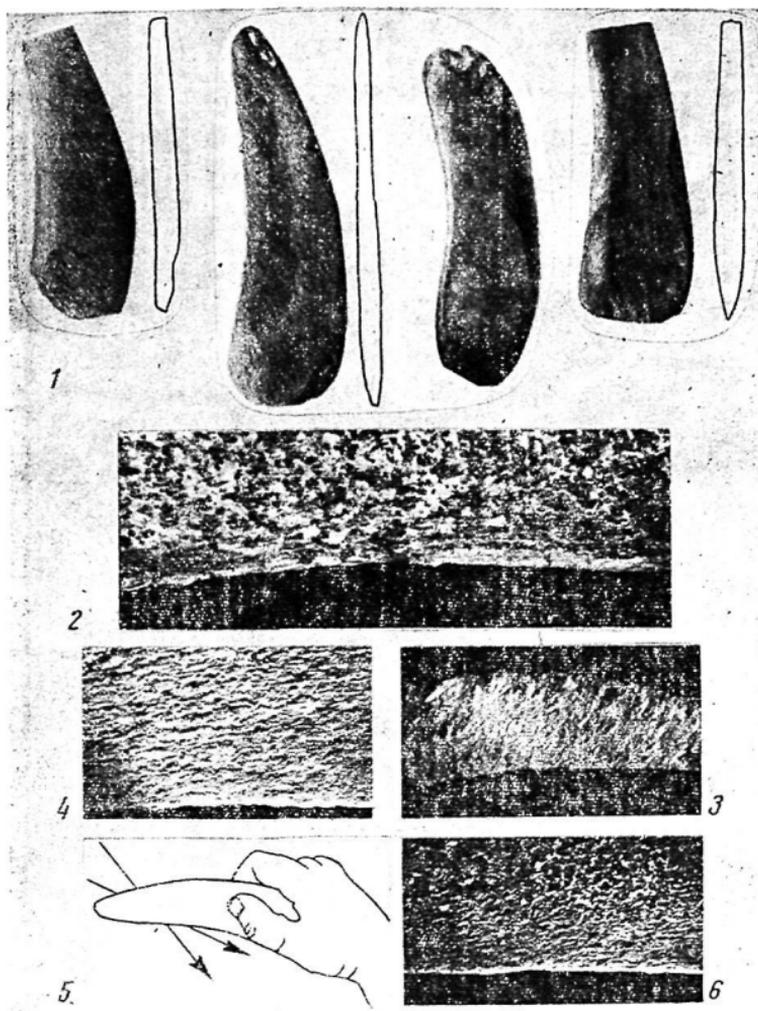

Рис. 1. Каменные серпы чускской культуры.

1—каменные серпы, бывшие в употреблении; 2, 4, 6—следы изнашивания серпов в работе; 3—следы затачивания серпа на крупнозернистом абразиве; 5—способ держания серпа в процессе работы.

удобно захватываются правой рукой (рис. 1, 5). Черенковый конец зажимается в ладони, а указательным пальцем можно надавливать на обухок. Специально отшлифованная спинка, придававшая серпам необходимую заглаженность и ровность, позволяла использовать их без рукояти. Следы изнашивания говорят о работе жнеца

¹⁵ С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи ранних металлов, стр. 12—13.

правой рукой и характерных для процессов жатвы движениях «на себя»¹⁶ (рис. 1, 2—6). Изношена преимущественно правая сторона серпа, наиболее интенсивно соприкасавшаяся со стеблями растений.

Многочисленная коллекция серпов разной стадии обработки дает возможность восстановить технику их изготовления. Для этого из пойм рек выбирали плоские продолговатые гальки (рис. 2, 1), оббивкой оформляли заготовки до определенной

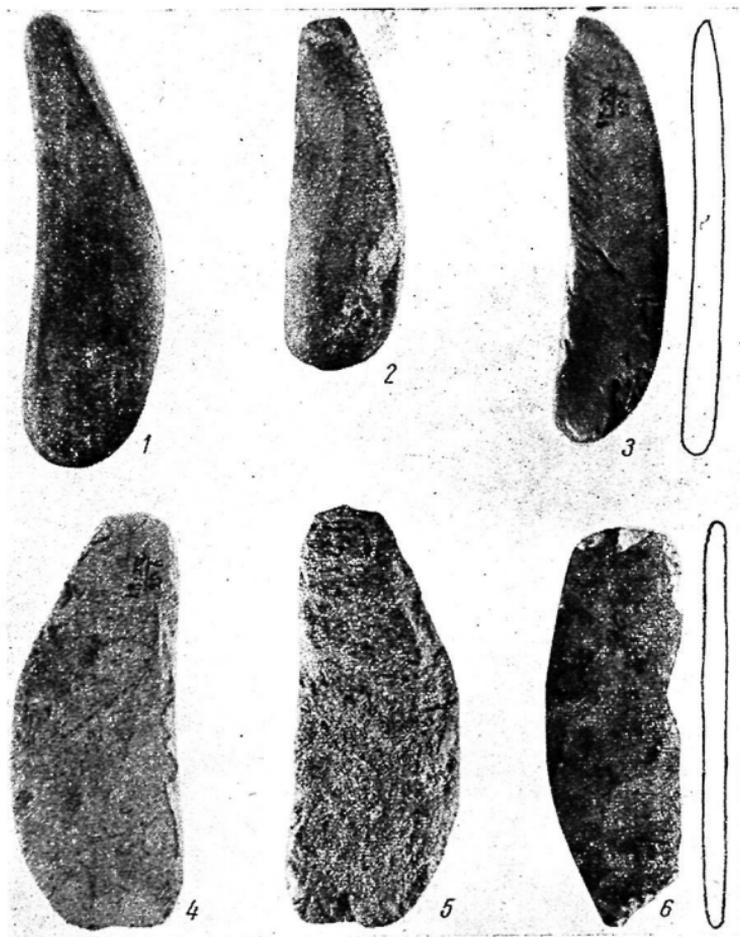

Рис. 2. Заготовки и шлифованные серпы чустской культуры.

1—продолговатая галька перед шлифовкой; 2, 3, 6—серпы, частично использованные и вышедшие из употребления (6); 4, 5—заготовки серпов перед окончательной обработкой.

толщины (рис. 2, 4—5), а затем шлифовали их на абразивных плитах. Шлифовка производилась перпендикулярно длине серпа (рис. 1, 3). Следы ее на заготовках серпа имеют глубину до 0,5 мм и ширину 1,2—0,5 мм. Такие штрихи образуются при большом физическом напряжении. Поперечные штрихи, полученные во время шлифовки,

¹⁶ Там же, стр. 13.

придавали рабочему лезвию легкую зубчатость, и серп как бы напоминал пилу. Следы изнашивания слегка заметны в виде заполировок, а под бинокляром отчетливо видны линейные следы, направленные параллельно рабочему лезвию (рис. 1, 4—6).

Некоторые серпы настолько изношены, что прежняя ширина их уменьшилась вдвое. Значит, их использовали несколько сезонов. Многие затупленные серпы носят следы подправки лезвия ударной ретушью. Такой же технологический прием применялся для кремневых вкладышевых серпов.

Угол заострения колеблется от 20 до 50° (в среднем — 25—30°). Такой же угол заострения у керамического серпа из Эриду (Ирак), который близок чувстскому, но гораздо шире его. Керамические серпы делали очень широкими, ибо они быстро изнашивались. Эффективность каменных чувстских серпов была намного выше, чем керамических, но уступала вкладышевым серпам из кремня.

Как известно, жатва созревших зерновых не требует особенно острого лезвия, поскольку высушенные стебли хрупки и ломки. Жители предгорных районов Средней Азии и в наше время при уборке пшеницы применяют незаостренные стальные серпы, а для жатвы зеленой массы (клевер, трава, камыш) обязательно используют остро заточенный серп.

Множество шлифованных серпов, зернотерок, ям для хранения зерна¹⁷ говорит о широком развитии земледелия.

Ю. А. Заднепровский первоначально охарактеризовал эти серпы как «серповидные ножи», приписав им полифункциональность (серп, нож и др.)¹⁸, но в дальнейшем правильно определил их как орудия жатвы¹⁹. Такие серпы обнаружены во всех памятниках чувстской культуры и в поселении Кучуктепа на территории Сурхандарьинской области, синхронном указанной культуре.

Известно, что земледельцы древней Туркмении и Закавказья пользовались вкладышевыми серпами из кремня, а в раннем Междуречье применялись керамические серпы²⁰. В указанных и других историко-культурных регионах существовали и бронзовые серпы. Но бронза не смогла вытеснить полностью орудия из камня. Хотя у чувстских племен и были бронзовые серпы, но, на наш взгляд, они едва ли широко применялись, а некоторые, возможно, имели символический характер. Производство бронзы было делом нелегким, и достигнутые масштабы его не позволяли обеспечивать всех земледельцев бронзовыми серпами. Поэтому основным материалом для их изготовления еще долгое время были камень (галечник, кремль, обсидиан), глина и др.

Благодаря развитой технике шлифования древние мастера могли использовать разнообразную породу камня — базальт, диорит, порфирит, нефрит, диабаз, сланец, змеевик и т. д. Таким образом, развитие каменной индустрии продолжалось и в эпоху бронзы, о чем наглядно свидетельствуют шлифованные серпы и многие другие каменные орудия с памятников чувстской культуры.

С. А. Семенов, Т. Ширинов

¹⁷ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 76.

¹⁸ Там же, стр. 76.

¹⁹ Ю. А. Заднепровский. Раскопки на Дальверзинском поселении, стр. 309.

²⁰ С. А. Семенов. Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке. СА, 1965, № 3, стр. 217—219.

ХРОНИКА

АЛИМ МУМИНОВИЧ АМИНОВ

(К 70-летию со дня рождения)

В июне 1976 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 46 лет научной, педагогической и общественной деятельности члена КПСС с 1927 г., крупного ученого, педагога, организатора науки в республиках Средней Азии, общественного деятеля, члена-корреспондента АН УзССР, заслуженного деятеля науки, доктора экономических наук, профессора Алима Муминовича Аминова.

Творческий путь А. М. Аминова начался на рубеже 30-х годов. Уже тогда молодой ученый проявил себя пытливым исследователем новаторского направления, широко использующим плодотворный метод историко-экономического анализа в разработке актуальных проблем политической экономии социализма на примере экономического развития республик Советской Средней Азии.

Историко-экономические и политико-экономические исследования А. М. Аминова отличаются глубиной и оригинальностью. Особенно весом его вклад в разработку концепции некапиталистического развития ранее отсталых народов к социализму.

Для творческого облика А. М. Аминова характерна органическая связь в разработке политической и историко-экономической проблематики, позволившая ему выступать с оригинальными научными идеями и сформулировать новые направления в познании региональных особенностей экономического развития народов Средней Азии со второй половины XIX в. до эпохи развитого социализма.

Результаты проведенных А. М. Аминовым многогранных исследований в области методических проблем политической экономии отражены в его монографических работах, научных статьях и докладах, сделанных на ряде научных конференций

и симпозиумов союзного и международного значения по вопросам некапиталистического пути развития, закономерностей социалистического строительства в ранее отсталых районах нашей страны.

Основные направления творческой деятельности А. М. Аминова — политическая экономия социализма, экономическая история Средней Азии и проблемы некапиталистического развития ранее отсталых стран.

Проблемы политической экономии получили освещение в ряде трудов ученого, в том числе в сборнике «Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР», в главе учебника политической экономии, посвященной «Закономерностям перехода от капитализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития», в монографии «Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики», в сборнике «Закономерности перехода от социализма к коммунизму», в статье «Сущность и содержание проблемы некапиталистического пути развития ранее отсталых стран» и т. д.

Некоторые работы А. М. Аминова, опубликованные в издании АН СССР «Общественные науки сегодня», переведены на английский, французский и испанский языки.

Особо надо отметить исследования А. М. Аминова, сочетающие в себе анализ политикоэкономических и историко-экономических проблем. Сюда относятся написан-

ная в соавторстве с А. Х. Бабаходжаевым монография «Экономические, политические и культурные последствия присоединения Средней Азии к России», глава о «Всемирно-историческом значении опыта некапиталистического пути развития советских республик Средней Азии» в учебнике политической экономии социализма.

В творчестве ученого важное место занимают исследования по экономической истории Средней Азии, прежде всего — капитальная монография «Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX и до начала XX веков» (1959). За ней последовала целая серия монографических исследований (1966, 1967, 1971), где по существу подведены итоги многолетних изысканий автора в области экономической истории Средней Азии.

Проблема некапиталистического пути развития освещена А. М. Аминовым во многих трудах. Разработанные им теоретические положения получили всеобщее признание, что наглядно подтвердил его доклад о «Сущности и содержании проблемы некапиталистического пути развития ранее отсталых народов», сделанный в 1972 г. на международной научной конференции, посвященной историческому опыту строительства социализма в СССР.

А. М. Аминов зарекомендовал себя как организатор и непосредственный руководитель крупных комплексных исследований в области политической экономии социализма и экономической истории республик Средней Азии. Под его руководством и в соавторстве опубликован капитальный коллективный труд «Экономическая история Советского Узбекистана», получивший высокую оценку научной общественности и послуживший основанием для публикации ряда тематических сборников научных записок и подготовки десяти докторских и кандидатских диссертаций. В развитие этой темы в настоящее время большой авторский коллектив под руководством А. М. Аминова разрабатывает важную проблему «Совершенствование производственных отношений в период развитого социализма».

Признанием научного авторитета А. М. Аминова явилось приглашение его в качестве соавтора учебников политической экономии и экономической истории для высшей школы, опубликованных в Москве Издательством «Высшая школа».

А. М. Аминов известен также как специалист в области научной терминологии в политической экономии. А. М. Аминов создал свою научную школу, подготовив 50 кандидатов и 7 докторов наук. Он — редактор ряда крупных монографий и сборников научных трудов по проблемам политической экономии социализма и истории народного хозяйства Средней Азии.

Активна и общественно-политическая деятельность А. М. Аминова, особенно в области пропаганды научных знаний, подготовки Узбекской Советской Энциклопедии, участия в работе ученых Советов и руководства ими, в редколлегиях ряда союзных и республиканских журналов, проблемных Советах по «Закономерностям перерастания социализма в коммунизм» АН СССР и УзССР.

Алим Муминович в течение многих лет был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане» и неоднократно выступал на его страницах с ценными научными публикациями.

Многолетняя плодотворная деятельность А. М. Аминова отмечена орденами и медалями СССР и присвоением ему почетного звания Заслуженного деятеля науки Узбекистана.

Поздравляя Алима Муминовича Аминова с 70-летием со дня рождения, мы желаем ему долгих лет жизни, неутомимой энергии и дальнейших творческих успехов на благо советской науки и высшего образования.

Группа товарищей

МУНДАРИЖА

КПСС XXV съезд қарорлари — ҳаётга!

А. А. Абдуғаниев. Учинчи беш йилликда Ўзбекистон халқ хўжалигининг тез ва мутаносиб ривожланиши	3
М. А. Тожиуротов. ЎзССРда умумий ишлаб чиқаришнинг регионал ша-роитларда икки бўлимнинг ўзаро алоқадорлиги ҳақида	10
Д. Г. Йўлдошева. Ўзбекистонда ишчилар синфининг меҳнат активлигини ўсиши	17
З. Хатипова. Ҳозирги замон босқичида идеология ишларининг баъзи бир масалалари	24
И. Қ. Додонов. Олий малакали тарихчи кадрлар тайёрлаш тажрибасидан.	31
О. Ф. Файзуллаев, Д. Қ. Набиева. Фанларнинг бирлашиш характерида доир	40

А. Н. Кононов туғилган кунининг 70 йиллиги муносабати билан

Андрей Николаевич Кононов	47
Э. И. Фозилов, Л. Г. Чичулина. Кононов-турколог	50
Ш. Ш. Шоабдурахмонов, А. А. Абдуазизов. Туркий тилларга доир тадқиқотларда фонетико-фонологик анализ назарияси ва методи масаласи	55

Илмий ахборот

Л. С. Масленникова. Тармоқлараро меҳнат баланси тузилишининг профес-сионал кесиклик масаласига доир	65
Р. Хайитов. Давлат ўрмон фондининг қонунан ҳимоя қилиниши	67
М. Т. Нуруллаева. Бухоро хотин-қизларининг озодликка чиқиши учун бўлган кураш тарихи	70
С. А. Семенов, Т. Ширнинов. Чуст маданиятининг тош ўроғи	73

Хроника

Олим Мўминович Аминов (Туғилган кунининг 70 йиллиги)	78
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

А. А. Абдуганиев. Темпы и пропорции развития народного хозяйства Узбекистана в десятой пятилетке.	3
М. А. Таджимуратов. О соотношении двух подразделений общественного производства в региональных условиях УзССР.	10
Д. Г. Юлдашева. Рост трудовой активности рабочего класса Узбекистана.	17
З. Хатылова. Некоторые вопросы идеологической работы на современном этапе.	24
И. К. Додонов. Из опыта подготовки кадров историков высшей квалификации.	31
А. Ф. Файзуллаев, Д. К. Набиева. О характере стыков науки.	40

К 70-летию со дня рождения А. Н. Кононова

Андрей Николаевич Кононов.	47
Э. И. Фазылов, Л. Г. Чичулина. Кононов-тюрколог.	50
Ш. Ш. Шаабдурахманов, А. А. Абдуазизов. К проблеме теории и метода фонетико-фонологического анализа в исследованиях тюркских языков.	55

Научные сообщения

Л. С. Масленникова. К проблеме построения межотраслевого баланса труда в профессиональном разрезе.	65
Р. Хайитов. Уголовноправовая охрана государственных лесных фондов.	67
М. Т. Нуруллаева. Из истории борьбы за раскрепощение женщины Бухары.	70
С. А. Семенов, Т. Ширинов. Каменные серпы чувской культуры.	73

Хроника

Алим Муминович Аминов (К 70-летию со дня рождения).	78
---	----

Цена 40 к.

Индекс
75349